

Франческа Серрителла

*«Мрачная, непредсказуемая история,
что затягивает все сильнее по мере прочтения».*

TEEN VOGUE

ПРИЗРАКИ

ГАРВАРДА

НОВЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Новый мистический триллер

Франческа Серрителла

Призраки Гарварда

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Серрителла Ф.

Призраки Гарварда / Ф. Серрителла — «Издательство АСТ»,
2020 — (Новый мистический триллер)

ISBN 978-5-17-135160-1

Год назад Блестящий ученик Гарварда, номинант на престижную премию Бауэра Эрик Арчер внезапно начинает вести себя очень странно: его преследуют навязчивые мысли о заговоре в стенах университета, и врачи ставят неутешительный диагноз – шизофрения. Проходит совсем мало времени, и Эрик выбрасывается из окна своей комнаты в кампусе университета. Наше время Каденс Арчер, младшая сестра Эрика, приезжает учиться в Гарвард, несмотря на протест со стороны родителей. Смерть брата оставила черную дыру в сердце Кади, и ее преследуют вопросы о том, почему это произошло и могла ли она хоть что-то изменить. И если есть такое место, где она могла бы найти ответы на них, то только тут. Не проходит и месяца, как Кади сама начинает слышать голоса...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135160-1

© Серрителла Ф., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	57
Глава 12	65
Глава 13	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Франческа Серрителла

Призраки Гарварда

Моей матери:

ты держала на плаву этот шаткий плот.

Нынче он покинул сей странный мир, малость опередив меня. Это неважно. Те, кто, как мы, верит в физику, знают, что различие между прошлым, настоящим и будущим – всего лишь до упрямого стойкая иллюзия.

Альберт Эйнштейн

Тревога отличается от страха тем, что страх есть страх существ перед миром, а тревога есть тревога перед собой. Головокружение является тревогой в той степени, в которой я опасюсь не сорваться в пропасть, а броситься туда¹.

Жан-Поль Сартр

¹ Пер. В. И. Колядко (здесь и далее прим. пер.).

Пролог

Бояться падения – при том, что она задумала – было глупо, но Кади даже не подозревала, что на мосту окажется настолько ветрено. Она сидела на корточках на балюстраде, стискивая ее так крепко, что побелели ногти. Волосы хлестнули по лицу, но Кади не осмелилась поднять руку и убрать их.

Она не хотела упасть. Она хотела спрыгнуть.

Собрав храбрость в кулак, Кади приказала ногам выпрямиться и медленно встала во весь рост. По спине пробежал холодок, несмотря на то что ночь была теплой – ну, насколько она может быть теплой в Кембридже весной. На берегу реки виднелся кампус Гарварда, знакомые общежития, идеально подчеркнутые подсветкой – но ничего идеального в нем нет, это Кади знала. Брошенный вниз, на черную, подвижную воду реки Чарльз, взгляд вызвал вспышку страха, однако Кади все равно не передумала. Она пообещала себе довести дело до конца – и доведет.

Стоя стало легче. Слабые ноги окрепли, как и равновесие. Ночной ветер пронесся ласкающим порывом. Кади глубоко вздохнула, впитывая запах реки и вид кампуса, со всей его красотой и горечью. Она никогда не думала, что в итоге окажется здесь, что будет так себя чувствовать, и все же стояла тут, на мосту, с комом в горле, и готовилась сказать последнее «прощай».

Кади закрыла глаза, прислушалась к голосам, продолжающим ее раззадоривать; теперь они уже не дадут повернуть вспять. Жаль, что не растянуть момент, они ведут отсчет, и ее время почти истекло. Кади вскинула подбородок, подняла руки и пошевелила пальцами, потянувшись в темноту.

Приготовилась, согнула колени, отсчитала последние мгновения:

– Три, два, один...

Глава 1

Кади не ступала на землю Гарварда с тех самых пор, как ее старший брат покончил с собой. Там Эрик вкусил последний хлеб, увидел свой последний сон, сделал последний вздох. Один вид общежитий из красного кирпича, идеального университета с открытки для стольких людей, заставлял сердце Кади тяжело биться. Для нее это был не университет, а дом с привидениями.

И сегодня она в него переезжала.

Кади не могла позволить сомнениям отразиться на лице; машина въехала в Гарвард-ярд. Залитый солнцем квадратный двор и его древние вязы были украшены красными воздушными шариками и огромной алой растяжкой с надписью «Добро пожаловать, Гарвард ММХХIII». Кади напонила себе, что сама этого хотела, настаивала, клялась, что выдержит, и поставила на кон все. И все равно подергивала ногой на заднем сиденье, пока отец парковался напротив ее общежития для первогодок, Уэлд-холла. Кади тайком бросила взгляд на лицо отца в зеркале заднего вида, на его усталые глаза, посеребрившие небритые щеки. На переднем пассажирском сидела его сестра Лора, тетушка Кади. Мать осталась дома, в Пенсильвании, слишком обиженная на дочь, чтобы сюда ехать. Может, оно и к лучшему; увидев лицо матери, Кади бы точно упала духом.

– Вот какое парковочное место. Я же говорила, что пригожусь, – подмигнула тетушка Лора.

Автомобильная авария, которую она пережила в двадцать с хвостом, оставила ее с параличом нижних конечностей, и ей приходилось пользоваться коляской, отсюда и привилегии с парковкой. Правда, Кади никогда не считала ее инвалидом. Лора обладала неумолимо позитивным взглядом на жизнь, чертой, которой сегодня предстояло испытание. Она якобы хотела одолжить им свой огромный фургон, однако Кади знала, что на самом деле Лора решила взять на себя роль ее матери, и была благодарна.

Отец дернул ручник и тяжело вздохнул:

– Готовы?

Кади вылезла и помогла Лоре пересесть в ее кресло, отец направился к багажнику; своим мрачным видом они втроем резко выделялись на фоне остальных. Парень на крыльце общежития позировал для фото с шестью улыбающимися родственниками. Блондинка в кузове пикапа рассмеялась и передала свернутый матрас стоящему на земле отцу в гарвардской футболке, ковбойских ботинках и шляпе. Высокий юноша в майке баскетбольной команды «Лейкерс» вытирал слезы счастья с щек матери.

Кади им завидовала. Им не приходилось притворяться.

Она тоже обошла фургон и увидела, как отец вытаскивает ее зеленую спортивную сумку.

– Ой, я сама возьму, – произнесла Кади, надеясь, что вышло не слишком поспешно.

– Я уже, ты бери чемодан с колесиками.

– Нет, пап, серьезно. – Кади схватилась за лямки, и отец поднял на нее удивленный взгляд. Тогда она пустила в ход наклон головы и тон, которые мать довела до совершенства: – У тебя же спина.

Отец поупрямился, но уже через мгновение сдался:

– Ладно, но только потому, что я уже давненько не упражнялся.

– И когда мой младший братишка успел так постареть? – подначила его Лора. – Знаешь, иногда говорят, что боль в спине может быть психологической.

– Тогда это вы двое виноваты, – отозвался отец.

Кади определили в комнату 23, всего лишь на втором этаже – всего лишь, поймала она себя на мысли, неспособная не думать о высоте. В лифт набилось народу, так что отец решил

дождаться следующего, а люди потеснились, освобождая место для кресла Лоры и Кади, прижимающей к груди сумку. На коленях Лора держала корзину с постельным бельем.

– Приятно, что тут есть лифт, – сказала Кади Лора. Подчеркивание всего хорошего сегодня было ее официальной обязанностью.

Реплику подслушал мужчина среднего возраста.

– А вы знаете, что раньше было на месте этого лифта? Комната Джей-Эф-Кей. Из Уэлда и в Белый дом. – Мужчина хлопнул по спине тонкого как тростинка сына: – Может, и у нас тут новый президент! А, Макс?

Сын покраснел, и Кади преисполнилась искреннего сочувствия.

Двери лифта с легким стуком разъехались. Кади и Лора вышли, и последняя усмехнулась:

– Господи, а представляешь, каково это жить по соседству с юным Кеннеди? Наверняка он был красавчиком. И тем еще кобелем уже тогда.

Первым, что Кади удалось вспомнить о Кеннеди, был последний миг его жизни – зернистое фото, на котором он машет рукой из автомобиля. Она попыталась представить Кеннеди парнем ее возраста, полного волнения и нетерпения, которые читались на лицах у всех вокруг. Если бы ему сказали, что он станет президентом, зарделся бы он, как тот парнишка из лифта, или принял как должное? Чувствовал ли, что его ждет величие? А если бы ему сказали, что его убьют, он все равно бы хотел этого будущего?

– Впрочем, – продолжила Лора, – если тебя интересуют призраки Кеннеди погорячее, то надо было поступать в Брауновский университет. Там учился Джон-Джон, самый красивый из них. Я была в него по уши влюблена.

О, точно, вспомнила Кади, его сын. И брат. И другой брат, который типа убил девицу... Может, отсюда все и пошло. Куча призраков в той проклятой семье. У Арчеров призрак пока только один. Неужели они тоже прокляты?

Они с Лорой нашли нужную комнату, и Кади полезла в конверт за ключом, таким новеньким, что гранями, казалось, можно порезаться. Кади помедлила. Теперь все взаправду. Это место уже отметилось в истории семьи поворотной точкой, а ее решение поступить сюда – еще одной. Кади знала, какую боль причиняет родителям. Или все окупится, или станет очередной ошибкой, которую ей не исправить.

– Ты в порядке, солнышко? – спросила Лора.

– Определенно.

«Нельзя показывать слабость», – сказала Кади себе.

Она открыла дверь в пустую комнату. Та оказалась странной, из серии, когда из большого пространства пытаются сделать несколько маленьких, – длинной и узкой, со смещенным от центра окном с одной стороны и парой спален с другой. Кади подошла к окну, выглянула.

– Как вид? – поинтересовалась Лора, подкатив к ней кресло.

– Вон там Грэйс, где на первом курсе жил Эрик. Помню, как мы помогали ему въехать.

– И что ты чувствуешь? – спросила Лора, как психотерапевт.

– Близость к нему, в некотором смысле, – Кади с удивлением услышала, как с губ срывается правда. – Странно, да?

– Нет, это хорошо, что ты его помнишь. – Лора коснулась ее руки: – Просто не забывай, что жизнь для живых.

Кади кивнула. Да, выражение расхожее, но сейчас оно резануло ухо. Жизнь была и для Эрика, даже если он упустил это из виду. А может, это они упустили из виду его.

В дверь постучали, и Лора откатилась, чтобы впустить отца Кади.

– Только ты? – спросил тот, и на долю секунды Кади не поняла, что он имел в виду. Ее отбросило назад, в ту жизнь, где родителям ее было мало. Только ты?..

Отец с кряхтением опустил на пол коробку.

– Ты приехала первой?

– Ага. Мы первые. – Кади перехватила сумку поудобнее, все так же прижимая ее к груди. – Знаю, еще многое надо перенести из фургона, но хочу успеть выбрать спальню до того, как появится кто-то еще. Вы не против, если я тут немного разложу вещи, займу место? И сразу спущусь, обещаю.

Она солгала. Одна из соседок успела запросить отдельную спальню еще летом, так что ей оставалась только двойная.

Лора махнула рукой:

– Конечно, застолби местечко.

– Не затягивай. Машину придется переставить, – произнес отец.

Кади проследила, как они ушли, выждала пару ударов сердца, чтобы наверняка. Потом она метнулась в двухместную спальню и уронила сумку на голый матрас. Расстегнула молнию, покопалась под слоем нижнего белья – последним противопопным барьером – и достала две вещи, которые не должна была увидеть ее семья. Кади забрала их из коробки, которую прислал им Гарвард после смерти Эрика. Коробку держали в его спальне дома, но Кади столько раз пробиралась туда тайком и перебирала содержимое, что запомнила его наизусть. Большинство – хлам, ближе к концу Эрик стал очень небрежным, но эти две вещи особенно сильно отзывались в ее душе. Просто на память – или как обереги – они были нужны ей, особенно здесь.

Первая – дань сентиментальности. Мятая гарвардская толстовка Эрика. Кади поднесла ее к лицу. Она все еще пахла Эриком, смесью свежего мыла и теплых тостов. Родители, скорее всего, отдали бы вещь, если бы Кади попросила, но слишком был велик риск, что ее сочтут эмоционально нестабильной, а ведь они и так еле отпустили ее сюда. Рядом с ними Кади приходилось скрывать то глухое чувство, что грозило стереть улыбку, встать в горле комом, и запах Эрика всегда его вызывал. Иногда Кади нуждалась в этом чувстве, чтобы снять напряжение, даже испытывала от него удовольствие. Она ненадолго прижала толстовку к груди, потом затолкала вглубь нижнего ящика ближайшего комода.

Второй спрятанной вещью была подсказка: синяя тетрадь на спирали с подписью «Конспекты». А конспекты – самое близкое к дневнику, что когда-либо вел Эрик, а значит, самым близким к тому, что можно назвать окном в его разум. Кади открыла тетрадь, пролистнула потрепанные страницы. Побежала кончиками по знакомому почерку, выведенным шариковой ручкой буквам, которые отпечатывались на сердце, словно Брайль. Первые страницы, Эрик из прошлого: ровные, аккуратные строчки, с логичными заголовками и схемами, чистота как в учебнике. Дальше записи становились более путанными, неразборчивыми; математика скатывалась в прерывающиеся столбцы чисел и косые, оборванные уравнения. Эта писанина уже не походила на высшую физику – скорее на полную чушь. Ближе к концу появлялись комментарии, не связанные с вычислениями: опасения насчет еды в столовой, оскорбительные подначки от «М» – Кади думала, что это Мэтт, его давний сосед по комнате, – и краткие заметки о внешности или поведении разных людей, наверняка тех, кого он счел подозрительными. К тому времени его уже охватила паранойя. Кади убрала тетрадь в тот же ящик, что и толстовку. Почитает повнимательнее позже, когда наберется сил.

Как только обе вещи оказались перепрятаны, Кади смогла малость расслабиться и оглядеть новое жилище. Она не возражала против соседки – необходимость делить комнату была неприятностью столь обыденной, что Кади даже находила в ней некоторое утешение, – и эта комната оказалась угловой, просторной и светлой. Кади робко обошла как попало расставленные металлические койки, столы, комоды и книжные полки. Квадратную, модульную мебель из светлого дерева, казалось, сделали еще в девяностых; столы десятилетиями приживали зарубки, отметины от ручек, все углы комодов были потертыми, исцарапанными. От белых стен пахло свежей краской, и Кади подцепила ногтем ее мягкий комочек, гадая, сколько жизней в этой комнате вот так закрасили. Судя по глубоким подоконникам, покатоному полу и огромным деревьям снаружи – жизней набралось бы на целое столетие. Прямо сейчас кто-то въезжал в

старую комнату Эрика в Башне Леверетта и, наверное, находил ее такой же чистой и белой; новый обитатель не знает, чтостряслось в ней всего лишь в прошлом году. Кади не собиралась рисовать новую историю поверх. Она приехала сюда скалывать слой, которым все замазали.

Окно спальни было открыто, Кади прижала кончики пальцев к сетке, но та не поддавалась. Эрик скрутил шурупы заранее, полиция нашла их с отверткой, аккуратно сложенными в ящике стола – так и стало ясно, что произошедшее не случайность. Хотя Кади подозревала, что случайность никто и не предполагал.

Кади выглянула на людный Гарвард-ярд внизу. Все новые студенты выглядели счастливыми – и не в своей тарелке. Типичное для первого дня в университете дело: начало жизни вдали от дома, знакомство с соседями по комнате и так далее, однако Гарвард – отнюдь не просто учебное заведение. Это место – проверка на прочность. История. Ожидания и надежды. Оно бурлило скрытой энергией. Кади видела толпу вокруг статуи Джона Гарварда, напоминания, что университет был основан в 1636 году, еще до образования страны. Наследие прошлого и ответственность за будущее ложились тяжким бременем на настоящее, и время словно схлопывалось. Оно шептало: «Вот тебе трамплин к выдающемуся будущему, только не облажайся». За улыбками, объятиями, знакомствами скрывались сомнения: хватил ли мне ума, таланта, мотивации, заслуживаю ли я быть здесь? Использую ли я золотой билет достойно или сломаюсь под давлением? Эти вопросы терзали каждого студента, но лишь Кади знала, что на кону: если дам слабину, выживу ли?

Однозначно счастливыми выглядели только родители, они наслаждались подтверждением, что на ура справились с воспитанием чада, резко отличаясь от мрачной семьи Кади. Кольнула совесть – вспомнилась мать, которой сегодня не хватало, но винить ее Кади не могла. Она понимала, каким со стороны выглядит ее отъезд в Гарвард так скоро после смерти Эрика: странным, бестактным, нездоровым, отвратительным. Кади совсем не хотелось ранить родителей. Они и так пережили слишком много. Жаль, они не понимают, что у нее на то есть причины.

Кади мысленно перенеслась в первые недели после смерти Эрика, когда поступление в университет было последним, о чем она думала. Представлять свое будущее, когда у брата его больше нет, – невозможно. Если он останется двадцатилетним третьекурсником навечно, то и ей нужно остаться семнадцатилетней выпускницей школы. У них три года разницы, и Кади никогда не должна была его догнать. Но когда пришло уведомление о зачислении, ей показалось, будто решение уже приняли за нее. Отправиться в любое другое место, не в Гарвард, равносильно стремлению сознательно ничего не знать, спрятать голову в песок. Кади множество раз проделывала это, когда Эрик был жив, и теперь остро жалела. Она осознала, что незаданные вопросы куда опаснее тех, что остаются без ответа.

Кади старалась держать вопрос «почему» под замком, но зачастую не думать об Эрике было сродни попыткам затолкать пляжный мячик под воду. Кади приучила себя пробегать цепочку вопросов и конкретных, неизменных ответов – контрольный перечень перед эмоциональным пиком. Почему Эрик изменился? Потому что он шизофреник. Почему Эрик выбрал смерть? Он не выбирал, это все болезнь. Может, это она, единственная сестра, его подвела? Нет, никто не виноват.

Но верила ли она в это?

Каждый божий день Кади просыпалась с одними и теми же вопросами и каждую ночь силилась заснуть, терзаясь незнанием. Если ответы и существовали, то они здесь, в Гарварде.

Не отправиться сюда – трусость, а Кади уже достаточно пробыла трусихой. Она в долгу перед Эриком. Это меньшее, что она могла сделать.

Ей не хотелось здесь находиться. Но так нужно.

Кади еще раз посмотрела через двор на общежитие, где Эрик провел первый курс. Он был так счастлив, взволнован, полон надежд. Кади с теплом вспомнила, как три года назад помогала ему заселиться. Прикинула, где его бывшая комната, обвела взглядом фасад здания... Вот,

на четвертом этаже, крайнее окно слева в центральной секции; спальня Эрика выходила на Гарвард-ярд, и в стекле отражалась яркая зеленая, желтая, оранжевая листва вязов, танцующая на ветру. Ударил новый порыв, и цвета сдвинулись, уступая место силуэту за стеклом.

По спине Кади пробежали мурашки.

Ей показалось, будто она увидела его рыжие волосы, но это было лишь отражение еще одного дерева.

Кади замерла, желая, чтобы миг повторился вновь.

Глава 2

Пять месяцев назад Кади сидела между родителями на похоронах Эрика. Он умер четыре дня назад, а она все еще была в шоке. Все случилось в университете, Кади не видела брата с января, а теперь стоял апрель. Эрик совсем скоро должен был приехать домой на весенние каникулы, и они бы встретились. Но он не приехал, и они не встретились. Невозможно, как казалось. Убеждала лишь обстановка: церковь, в которой Кади не появлялась с самого детства, теперь заполненная знакомыми людьми в безликой черной одежде, запах лилий, печальные шепотки. Может, в этом и заключается смысл похорон – дать осознать тем, кто оцепенел от горя, что все происходит взаправду.

И все же разум Кади бунтовал против такой правды, метался куда угодно, кроме настоящего момента. Родители не позвонили ей сразу, как умер Эрик, и за это она их осуждала. Кади провела выходные в прибрежном Мертл-Бич, на хоровом конкурсе. Дорога была долгой, автобусы доставили их к школе только к самому концу учебного дня. Кади вырулила с парковки, думая лишь о том, как ей повезло прогулять уроки. Она должна была догадаться, что что-то не так, когда ее на пороге встретил отец, но он сказал, что просто работает из дому. Он должен был сразу сказать ей правду. Вместо этого отец позволил Кади сидеть и трепаться про сумасшедшего водителя автобуса и вечеринку в честь выпускного у Лиз добрых пятнадцать минут. А потом – приготовить ее любимый перекус, так что плюс еще пять минут, пока закипела вода, и три, пока заварилась лапша.

Кади даже не пришло в голову спросить, где мать, она просто решила, что та показывает покупателям очередной дом. Кади не знала, что мать наверху, в постели, где находилась с тех пор, как полиция кампуса позвонила в четыре утра. Позже судмедэксперт сообщил, что Эрик умер в 3.17. Часы показывали уже 16.36, когда горячая лапша обожгла Кади язык, а отец, наконец сломавшись, все рассказал. Целых тринадцать часов и девятнадцать минут Кади считала, что у нее все еще есть старший брат, которого уже не было.

Она размышляла об этом, сидя на церковной скамье. Кади становилось не по себе от мысли, что она не узнала все в тот же миг. Эрик же ее единственный брат. Кади никак не могла узнать; она была в гостиничном номере в Южной Каролине, а он – на земле перед своим общением в Кембридже, штат Массачусетс. И все равно, думала Кади, она должна была ощутить, как земля ушла из-под ног, или раскололись небеса, или, по крайней мере, как что-нибудь бы кольнуло, или щелкнуло, или екнуло, хоть какой-то знак, что он умер, что она потеряла человека, которого не заменить.

Но даже узнай Кади в тот же миг, все равно оказалось бы поздно. Ей пришлось бы проследить каждый свой шаг, найти миг, когда их пути разошлись, когда она утратила способность оттянуть его от края. Тогда она его и потеряла.

Кади не знала жизни без Эрика. Одна из любимых семейных баек: самый верный способ унять слезы маленькой Кади – привести Эрика. В детстве ей всегда хотелось походить на брата, вплоть до того, что, когда в четвертом классе Эрик подхватил вшей, она расчесывала себе голову, пока мать не согласилась вымыть ее тем же пахучим шампунем. На одной старой хэллоуинской фотографии оба одеты фиолетовым черепашкой-ниндзя, потому что Кади не выносила и мысли, чтобы ее костюм черепашки отличался. Кади наверняка была ужасной надоедой, но Эрик всегда вел себя с ней терпеливо и радовался, становясь ее героем. Когда-то радовался.

Кади вспомнила, как они пошли в музей на выставку, посвященную Тутанхамону и древним египтянам. Золотистые саркофаги, скульптура яйцевидной головы Нефертити, одновременно изящной и неземной, уменьшенная модель Сфинкса, или «Свинкса», как называла его маленькая Кади, – тогда ей казалось, будто она впервые познакомилась с историей и влю-

билась с первого взгляда. Эрику больше всего понравились иероглифы, что породило их любимую игру. Эрик создал шифр, по символу на каждую букву, и обучил Кади, чтобы обмениваться тайными посланиями. Кади брала фонарик, пряталась под одеяло с головой и пыталась запомнить их новый алфавит, но ей все равно приходилось носить с собой мятый листок со шпаргалкой, которую брат для нее сделал. Эрик запомнил все с лету. Кади оставляла ему глупые короткие записки, маленькие откровения, например: «Хэллоуинские сладости за кофейной банкой» или «За завтраком папа пукнул». А вот Эрик оставлял ей длинные, с настоящими квестами, сложными пошаговыми указаниями для детских приключений, и неизменно, когда Кади завершала последнее задание, в конце ее ждал Эрик с гордой улыбкой.

Самым любимым вышел тот, который брат озаглавил «Миссия: месть мамы-богомолки». Неделий ранее Кади нашла на въездной дороге богомолку с огромным вздутым брюшком, и Эрик сказал, что она беременная. Решив, что растить семью на дороге не дело, они устроили насекомому родильную палату из картонной коробки, с детским игровым городком из прутиков, миской воды и постелью из травы и листвы. Эрик обогнул дом, чтобы собрать кузнечиков и покормить богомолку, а Кади осталась следить, как насекомое исследует новый дом. Ей нравилось, как зеленое существо держит лапки, будто вяжет сотни крошечных носочков для сотни своих крошечных деток. И пока Кади оставалась одна, подошел их сосед Джереми с другом.

«Какого черта ты тут творишь?» – поприветствовал он. Джереми был угрюмым прыщавым тринадцатилеткой, с темными кудрявыми волосами, слипшимися на потных висках. Кади его боялась. Она, не отвечая, огляделась, где там Эрик.

«Говорить не умеешь, дуручка?» – поинтересовался Джереми. Его друг фыркнул от смеха.

Кади с опаской склонилась над коробкой.

«Мы нашли богомолку, у нее будут детки, и мы строим ей дом».

Лицо Джереми смягчилось.

«Твою мать, серьезно? Крутяк! Дай глянуть?»

В следующую секунду Джереми уже топтал коробку. Кади вскрикнула, насекомое замечалось из угла в угол, но все же погибло под грязной кроссовкой. Когда Эрик прибежал обратно, старшие мальчики успели удрать, Кади осталась сидеть в слезах, а бедная богомолка медленно сжежилась, словно стиснулся кулак.

Воспоминание закружилось в голове так отчетливо – более терпимая детская травма смешалась со скорбью и болью, которую Кади испытывала теперь. Сейчас, как и тогда, ей было стыдно, что все случилось у нее под носом, что она так беспомощна и, самое главное, что она подвела брата. Ну конечно, думала Кади, разочаровала его как сестра, иначе он до сих пор был бы тут. В тот день с богомолкой Эрик ее не винил; он крепко обнимал Кади, пока она не перестала плакать. Он всегда был к ней слишком добр. Они похоронили богомолку в клумбе и поставили вместо надгробия гладкий камушек.

У Эрика не будет надгробия; его вообще не хоронят.

С губ матери, которая сразу прикрыла их салфеткой, сорвался тихий звук, возвращая внимание Кади к службе. Она проследила, как мать отняла салфетку ото рта, снова скомкала; на влажных губах остались крошечные клочки белой бумаги. Кади еще никогда не видела мать такой потрясенной. Лицо ее было мокрым от мешанины из слез, пота, слюны и соплей. Светлые волосы длиной до подбородка казались жирными у корней и растрепанными, потому что мать постоянно запускала в них пальцы, макияж смазался вокруг воспаленных глаз темными синяками, щеки покраснели, то ли от того, как она их терла, то ли от стыда. Кади узнала, что к семьям самоубийц не испытывают искреннего сочувствия. Всякое «соболезную вашей утрате», которое они получали, сопровождалось полным любопытного осуждения взглядом, невысказанным «как вы такое допустили?».

Кади хотела коснуться матери, погладить ее по спине, чем-нибудь помочь, но как будто примерзла к месту. Она боялась, что, чем бы ни попыталась утешить мать, выйдет неправильно, только хуже. Эрик был ее любимчиком, но Кади ее в этом не винила – ведь сама относилась к нему так же. Если она не получала от матери столько же внимания, Эрик возмещал все, тайком закатывая глаза и нарочито покладисто улыбаясь так, что замечала только Кади. Они были заговорщиками, а родители – их мишенью.

Пока Кади с ее матерью оставались в шоке, на выручку пришел отец, который занялся всеми сопутствующими смерти ее брата делами – уведомил родственников, связался с похоронным бюро, организовал кремацию Эрика. Последнее огорчало мать, и Кади втайне тоже, но ей не хотелось становиться между родителями. Ее ужасала мысль о том, как Эрика сжигают в печи, а потом растирают в порошок, особенно когда представлять его мертвым и без того так тяжело.

Кади была наверху, в своей комнате, когда отец сказал матери о решении кремировать Эрика; она слышала, как мать грохотала кастрюлями, хлопала дверцами и кричала на отца: «Как ты мог?! Я хотела его увидеть, поцеловать его лицо в последний раз, поцеловать на прощание! Разве это не мое право, как его матери, или я и от этого должна отказаться? Это что, наказание для меня такое?!» Кади не различала приглушенные ответы отца, но понимала, что он остается спокоен, разъяря мать еще сильнее. Кади, подслушивая разговоры родителей, обычно становилась на сторону отца, но даже она в ту ночь его слегка возненавидела.

Кади представляла, как он тогда держался примерно как сейчас, поджав нижнюю губу, отчего на подбородке залегли маленькие извилистые морщинки. Его виски давно припорошило серым, но теперь холодные нити серебра виднелись и в темных волосах. В дряблую кожу шеи вжимался воротник рубашки, над ним виднелся пузырек засохшей крови – должно быть, порезался во время бритья. Отцу было всего пятьдесят шесть, но сегодня казалось, что все в нем сереет, стареет, высыхает. В то время как скорбь делала мать странно оживленной, с отцом происходило обратное. Он обратился в камень.

Проповедник прервал монотонную речь, и Кади, подняв взгляд, успела увидеть, как он опустил голову и произнес:

– Помолимся.

Кади вернулась к воспоминаниям о богомолке. После мучительной смерти насекомого Эрик выдал самую длинную шифрованную записку, план возмездия, который назывался «Миссия: месть мамы-богомолки». Указания, которые Кади перевела, направляли ее сперва в спортивную сумку ее старой кошки Бути и высыпать кошачью мяту в пакет с застежкой, потом дождаться трех ночи (Кади пришлось завести будильник в наручных часах), прокрасться в подвал за лестницей и, никого не разбудив, отнести ее к дому Джереми, а затем забраться на его гараж. Кади еще никогда не чувствовала столько беспокойства и собственной важности, как в ту ночь. И, само собой, когда она все выполнила и вскарабкалась по лестнице, на крыше гаража ждал Эрик, сидя скрестив ноги перед собой. Кади помнила, как он был рад ее видеть, но не удивлен – лучшая его черта, он всегда был уверен, что младшая сестренка все для него преодолет.

Она замерзла, сидя на корточках и придерживаясь руками; поодаль поблескивали в лунном свете кедры, влажные от недавнего дождя. Эрик прошелся по наклонной крыше как ни в чем не бывало. Он сказал Кади не волноваться, он массу раз видел, как Джереми вылезал на эту крышу, но Кади взвизгнула, когда его кед со скрипом соскользнул на дюйм. Она проследила, как Эрик быстро взобрался на вершину и прошел по хребту к стене дома. Потом он наклонился и потянул за самую крайнюю дранку. Она легко поднялась, и Эрик достал спрятанный под ней пакет с очень похожим на кошачью мяту содержимым. Когда брат спросил Кади, известно ли ей, что это, она кивнула, чтобы его не разочаровать. Эрик рассмеялся и подменил пакет.

Кади услышала его смех как наяву, и он слился со звуками, заполняющими церковь, – Дженни Парк, стоя за аналоем, печально хмыкнула, тем самым разрешая остальным скорбящим последовать ее примеру. Она встречалась с Эриком в старшей школе. Они были звездной в учебе парой в Диксон-Портер-Хай, первый и второй выпускники в рейтинге, элита среди ботанов – пока Дженни не бросила Эрика летом перед отъездом в университет, когда она не попала в Гарвард, но поступила в Стэнфорд, а он отказался идти в Калифорнийский технический, чтобы держаться к ней поближе. Кади грустила, когда они расстались, но теперь была рада, что Дженни знала Эрика в его лучшую пору, прежде чем против него обернулся собственный разум.

Шелковые волосы Дженни, иссиня-черные, словно вороново крыло, падали вперед, пока она читала текст с мятого тетрадного листка:

– Эрик был милейшим, умнейшим парнем, но романтика ему не давалась, – произнесла Дженни – из толпы снова донеслись тихие смешки. – Я говорила ему за несколько месяцев до выпускного, что мое платье будет красным, постоянно напоминала, что ему придется дарить мне цветы, браслет-бутоньерку или букет или что-то подходящее. И вот наступает день икс, Эрик стоит у меня на пороге, и в руках у него... ничего. А на лице – широченная улыбка, и он ведет меня к своему старенькому «Гольфу», оббегает его – и та-да! «Вот твои цветы!» – говорит Эрик. И внутри машины три больших глиняных горшка с зелеными, листовыми, похожими на кустарник штуковинами. И не видать ни одного бутончика.

Кади прекрасно это помнила. Мать предупреждала, что задумка ужасна, но Эрик уперся.

– И тут он начинает: «Это гортензии! Голубые. Ну, должны быть. К середине июня по крайней мере одна даст безупречный цвет». Помню, как он весь светился и как поник, заметив мою далеко не любезную реакцию. Я была в ярости. Что мне делать с тремя огромными горшками? Я практически швырнула в Эрика его идеально красной бутоньеркой-розой. Вся машина пропахла болотным мхом, и на выпускной мы ехали в полном молчании.

Дженни глянула на Кади и улыбнулась:

– К сожалению, тогда я не осознавала старания и трогательность его жеста. Позже я узнала, из различных источников, что Эрик был одержим целью найти мне голубую бутоньерку, ведь это мой любимый цвет. Но найти живые голубые цветы очень тяжело, и потому Эрик решил их вырастить. Он узнал, что цвет гортензии определяется кислотно-щелочным балансом почвы, и голубой цвет дает как раз высокое содержание кислоты. Он купил гортензии, пересадил в торфяной мох и хвойные иголки, а потом ежедневно поливал особым раствором сульфата алюминия и железного купороса. Чтобы убедиться, правильно ли он подобрал баланс, Эрик сделал три попытки, отсюда и количество горшков. Он, должно быть, планировал затею больше месяца.

Дженни глубоко вздохнула. Вытерла глаза, убрала волосы за уши. Ее голос дрожал, но она улыбалась.

– Так что на выпускном вечере я осталась без цветов. Но сейчас у нас на заднем дворике растут три великолепных гортензии – и цветут каждый июнь. И, Эрик, надеюсь, ты видишь, что каждая идеально голубая. Спасибо.

Дженни отошла от кафедры, спустилась по ступенькам. Когда она проходила мимо их ряда, мать Кади поднялась ее обнять. А потом Дженни удивила Кади, наклонилась и обняла за шею и ее.

– Мне так жаль, – Дженни шмыгнула носом.

Кади кивнула и коснулась ее спины, но не нашла, что ответить. Все, о чем она могла думать, – это какими прохладными казались волосы Дженни, коснувшиеся ее щеки. Словно вода.

В передней части церкви грянул орган, и Кади закрыла глаза. Когда была отпущена последняя клавиша, звук задержался в воздухе, прежде чем улететь ввысь. Кади устала на сводчатый потолок.

Она помнила, как смотрела снизу вверх на Эрика, стоящего во весь рост на самом вершине крыши гаража, темный силуэт на фоне лунного света, словно волк на горном хребте. Эрик жестом позвал Кади, протянул руку, чтобы помочь ей забраться к нему. Он указал на окно родительской спальни, потом своей – то, откуда наблюдал, как Джереми тайком вылезает на крышу покурить. Эрик сказал, что в его окне сидит Бути, но Кади не увидела кошку, и он взял ее за плечи, чтобы развернуть и дать посмотреть со своего ракурса. Силась разглядеть, Кади приподнялась на цыпочки. Вдруг в спальне родителей вспыхнул свет. Эрик нырнул вниз, прячась, чем сбил Кади с равновесия. Ее нога соскользнула.

Кади полетела лицом вперед, слишком быстро, чтобы чувствовать, как дранки обжигают распростертые руки, царапают щеку, дергают ночную рубашку, бьют по коленям. Но прежде чем крыша под ней кончилась, вокруг ее лодыжки крепко сомкнулась рука, вторая дернула за край ночнушки: Эрик поймал ее за все, что только смог ухватить. Он упирался ногами в крышу, пытаясь замедлить падение, пока не ткнулся пятками в водосток. Металлическая труба прогнулась под давлением, но удержалась. Эрик спас Кади.

Кто спасет ее теперь, когда его не стало? Кади глянула на родителей, непроницаемого отца и дрожащую мать, но никто не ощутил ее взгляд. Эрик был центром семьи; когда он был здоров, они его любили, гордились им, планировали для него, а когда он заболел, они стали его лечить, спорить и беспокоиться о нем. Кади чувствовала, как они уплывают все дальше друг от друга, цепляясь за воспоминания об Эрике, словно за обломки потерпевшего крушение корабля. Кади хотелось дотянуться до родителей, но отпустить означало утонуть.

Эрик считал «Месть мамы-богомолки» величайшей их миссией, потому что они до самого конца лета имели удовольствие наблюдать, как Джереми изображает, что ловит кайф от кошачьей мяты. Эрик множество раз пересказывал эту историю друзьям, и Кади постоянно приходилось добавлять, что той ночью он спас ей жизнь, а брат лишь отмахивался. Она как наяву слышала его привычный ответ: «А ты дала бы мне упасть?»

Но в конечном итоге Кади не оказалась рядом, чтобы его остановить. Она дала ему упасть. Как и остальные.

Глава 3

– Думаю, пора нам в дорогу, пирожочек, – произнес отец, тут же вызывая у Кади приступ ностальгии по прозвищу.

Они разгрузили все ее вещи, перепарковали машину и отлично пообедали в ресторане под названием «Графтон-стрит» напротив библиотеки Ламонта. А теперь вернулись в комнату Кади, и у нее иссякли причины затягивать их отъезд.

– Но сперва скажи, ты уверена, что тебе больше ничего не нужно? – добавила тетушка Лора.

Кади не хотелось, чтобы они уезжали, но она не хотела и дольше нужного держать отца заложником в кампусе.

– Нет, спасибо, дальше я справлюсь сама. А вам еще предстоит долгий путь домой.

Отец и Лора собрали свои вещи и пустые чемоданы, которые увозили с собой, потом Кади проводила их к лифту. Она наклонилась обнять тетушку Лору, и та стиснула ее покрепче, показывая, что все понимает. Когда настал черед отца, Кади с удивлением впервые за день увидела на его лице массу чувств.

– Послушай, – произнес он, опуская ладони ей на плечи. – С тобой здесь все будет в порядке. Ты заслужила это место, и я тобой горжусь, и мама, в глубине души, тоже.

– Спасибо, – кивнула Кади. Она не поверила отцу, пусть и хотела.

Он погладил ее по волосам одной рукой, и в его глазах заблестели слезы.

– Ты создашь для нашей семьи новые воспоминания, верно?

От размаха этого испытания закружилась голова. Кади стиснула отца в объятиях изо всех сил.

Отец обхватил ее руками в ответ.

– Узнаю свою храбрую девочку.

Кади чувствовала себя какой угодно, но не храброй.

Она вернулась, вошла в пустую общую комнату и выдохнула. Остаться в одиночестве показалось ей облегчением. Однако удовольствие продлилось недолго, и его сменил вопрос: что теперь? Кади предстояло разобрать кучу вещей, так что, видимо, пора было браться за дело. Она расставляла и переставляла мебель в спальне, при этом сохраняя равенство, чтобы оба стола стояли напротив окна, а комоды бок о бок. Кади не хотелось, чтобы соседка посчитала ее эгоистичной, пусть она и заняла нижнюю кровать; она же не идиотка. Она убрала всю одежду, заправила кровать и установила мини-холодильник, то есть воткнула его в розетку.

Кади не была уверена, куда повесить дешевое зеркало в полный рост или, точнее, как это сделать, ведь в ознакомительной брошюре говорилось, что вбивать в стены гвозди здесь запрещено. Кади прислонила хлипкое зеркало к двери, смерила взглядом свое отражение. Увиденное ей не понравилось. Встать пришлось ужасно рано, макияжа на ней не было, кожа выглядела бледной, тусклой, без следа теплых веснушек, которые усыпали бы ее нос и щеки в конце более счастливого лета. На ней были леггинсы и футболка с группой «Vampire Weekend», а ведь они ей даже уже не нравились, и Кади жалела, что не выбрала что-то получше ради первого впечатления. Но еще можно успеть. Кади переделалась в джинсы попроще и синюю рубашку-хенли, а затем ее внимание вернулось к нижнему ящику комода.

Кади опустила на колени, достала гарвардскую толстовку, помедлила, натянула ее через голову. Снова посмотрела в зеркало. Поднесла руку к груди, пробежала по алым выпуклым буквам. Прочесала пальцами пряди хвоста. В детстве Кади ненавидела выделяться рыжим цветом, но у нее был тот же каштановый перелив, как и у Эрика, что не встречалось больше ни у одного их родственника. Так что теперь ее волосы считались не столько рыжими, сколько как

у брата. Кади улыбнулась. Ей всегда об этом говорили, но до сегодняшнего дня она никогда не соглашалась, что выглядела его копией.

Дверь спальни вдруг распахнулась, толкая зеркало вперед. Кади бросилась его ловить, но уголок успел удариться о столбик кровати, и вверху пробежала трещина.

На пороге стояла индианка средних лет в нежно-розовой тунике.

– Ох, извини, я не думала, что тут кто-то есть.

Она опустила на пол коробку, которую держала, и наклонилась помочь Кади поднять зеркало.

– Ничего страшного, это я виновата.

Из-за женщины высунулась девчонка с темными волосами, ниспадающими вдоль изящной шеи, длинными ресницами и блестящим гвоздиком пирсинга в аристократическом носу.

– Ма-ам, ты что натворила?

– Я случайно! – воскликнула та и, глядя на Кади, добавила: – Мне очень жаль, я заплачу за зеркало...

– Прошу, не стоит...

– Отличное начало соседских отношений, мам! – проходя в комнату, шутливо заявила девчонка.

Она была стройной, гибкой, одетой в клевые мешковатые джинсы и укороченную белую футболку, открывающую плоский смуглый живот. Повернувшись к Кади, девчонка широко улыбнулась:

– Я Ранджу, ты уже меня ненавидишь?

– Только за кубики пресса, – рассмеялась Кади. – Нет, рада знакомству, я – Кади.

Они обнялись, у Ранджу даже волосы пахли приятно.

– А я – доктор Васан, но можешь звать меня При. – Ее мать тоже обняла Кади. – И позволь мне заменить зеркало, я настаиваю.

– Все в порядке, правда, от него, кажется, ничего не отвалилось.

– Нельзя использовать разбитое зеркало, это не к добру! Я привезла свое, будем в него смотреться.

– Ранджу, ты приехала сюда изучать науку, а не суеверия.

– Я изучаю искусство, а теперь все будет плохо, и я навеки останусь безработной. Только подумай, мам, без работы и без докторской степени – что ж ты тетушкам скажешь?

– Прекрати, ужасная ты дочь! – Мать обхватила ее щеки ладонями и расцеловала сморщившую нос Ранджу. – Ты же знаешь, что бы ты ни решила, мы ужасно тобой гордимся.

Кади ощутила укол зависти.

– Ты не против делить комнату? Наша третья соседка, Андреа, просила отдельную спальню, у нее чуткий сон.

Ранджу закатила глаза:

– Тоже получила ее письмо? Насколько я знаю, высокие запросы – не медицинский диагноз. Но ты куда милее меня. Заявись я сюда первой, закинула бы свое барахло прямым в ту спальню.

– Ты все еще, наверное, можешь.

– Нет, ты права, надо быть милой. Плюс я не собираюсь бросать тебя наедине с чокнутой соседкой.

Улыбка Кади померкла. «Чокнутый» – еще одно слово, которое больше никогда не станет прежним.

Вскоре в комнате 23 воцарилась суета. Приехал отец Ранджу, еще один доктор Васан, и Кади помогла им перенести наверх множество коробок. Ранджу была из Калифорнии, а потому большую часть вещей ей отправили заранее, что показалось Кади роскошью – правда, разби-

рать такую гору очень уж мучительно. Они все оказались по колено в картоне, когда дверь вновь открылась, являя их третью соседку, Андреа Краус-Фельдман, с семьей.

– Тук-тук, есть кто? – нараспев позвал мистер Краус-Фельдман.

У него была широкая улыбка и кустистые усы. Голову венчала кепка гарвардского выпуска 88-го года.

Следом вошла миссис Краус-Фельдман, мечтательно оглядываясь.

– О, все как я и помню!

Следом показалась сама Андреа.

– Кади, я так рада наконец встретиться! – воскликнула она, обхватывая Кади тонкими ручонками.

Кади обняла ее столь же пылко, чувствуя себя обманщицей лишь самую малость. Затем Андреа поприветствовала и Ранджу, но куда прохладнее – в наказание за неотвеченное послание.

Андреа оказалась миниатюрной и болезненно-тонкой, отчего казалась младше своих восемнадцати. Большие голубые глаза прятались за винтажными очками в тонкой оправе, светло-каштановые волосы, зачесанные назад, стягивали заколки. Светлая кожа была безупречной, но такой натянутой, что на висках виднелись крошечные голубые венки. Ее молчаливая младшая сестра выглядела точно так же, только не так волновалась. Вся семья принялась распаковывать вещи в маленькой одиночной спальне, оставив саму Андреа без дела, и та предложила новым соседкам сравнить их учебную программу в общей комнате. Кади была рада узнать, что Ранджу окажется с ней на курсе Психо 100. С безжалостным графиком медподготовки у Андреа не совпадал ни один предмет ни у Кади, ни у Раджу. Кади молча пялилась, как Андреа мучительно пытается решить, взять ли ей курс Хим 17 осенью или весной, пока не прозвучало имя некоего профессора Кесслера.

– Бери тот, где Кесслер, – сказала Кади. – Он строгий, но ведет интересно. Весной другой преподаватель, и по сравнению с Кесслером он полный отстой.

– Правда? Хорошо, спасибо, решила – и прямо камень с души. – Андреа с облегчением вздохнула. – Погоди, а откуда ты знаешь?

– А... – Потому что Эрик ходил на его занятия на первом курсе. – У него занимается старший брат моего друга, он и рассказал.

Кади боялась, что ложь проявится румянцем на лице, но Андреа ничего не заметила. Кади не то чтобы собиралась держать Эрика в тайне, но не хотела рассказывать соседкам все сразу. Лучше дождаться подходящего момента.

Когда Кади снова включилась в беседу, Ранджу рассуждала о подаче портфолио для художественных курсов. Она показывала на телефоне фотографии фрески, которую сделала на стене старого склада в родном городе.

– Разрешения мне никто не давал, я просто взяла и нарисовала ее за три ночи. Но людям понравилось, так что мне разрешили сделать еще две, видите?

– Потрясающе, – искренне сказала Кади. – И как я только попала сюда вместе с тобой?

– И родители тебя поддерживают? – поинтересовалась Андреа.

– Что я выбрала специальностью изобразительное искусство или что рисую граффити?

– И то, и другое. В смысле, они же доктора.

– Точняк! Взамен придется дать им устроить мне брак.

Кади рассмеялась вместе с Ранджу, а вот Андреа нахмурилась:

– Ты серьезно?

– Нет, шучу! Постскрипtum: если не поняла шутку, ты расистка.

– Я не расистка, – совсем растерялась Андреа. – Я просто не стала бы навязывать семье стереотипы шутки ради.

– Божечки, да я просто прикалываюсь. И вообще, моя же семья, так что шутить о них – мое право, не так ли?

Андреа вскинула брови.

– Что за взгляд? – парировала Ранджу.

Улыбка на лице Андреа осталась безмятежной, как у куклы.

– Здесь учились оба моих родителя, тут они и познакомились. По правде говоря, в первый год обучения моя мама жила именно в этой комнате.

– Серьезно? Ого, чтобы вот так повезло! – встряла Кади в попытке разрядить обстановку.

– Слышала, так иногда делают для тех, кто поступает по наследству, – заметила Ранджу. – Дают тебе ощущение, что ты часть живой истории Гарварда. Одна из многих уловок, чтобы заручиться выпускниками.

– Тем не менее, – нахмурилась Андреа, – я горжусь, что могу оправдать ожидания своей семьи, пусть их планка и высока. И я не стала бы чернить собственных родителей, словно каких-то незнакомцев, но это всего лишь мое мнение.

– Она же просто шутила, – вступилась Кади.

Андреа глубоко вздохнула:

– Ты права. Я действительно не знаю твоей ситуации. Прошу прощения, если задела.

– Да ладно, норм, – едко отозвалась Ранджу.

– Друзья?

– Ага, друзья, – согласилась она с натянутой улыбкой.

– А теперь, если позволите, мне нужно в уборную, – и Андреа вышла в коридор.

Как только дверь щелкнула замком, Ранджу развернулась к Кади:

– Нет, ну как тебе она?

– Странно, конечно, – согласилась Кади, горя желанием доказать свою преданность.

Однако в глубине ее души все же засели слова Ранджу про уловки для наследников. Да, родители Кади не были здешними выпускниками, но брат в Гарварде, как думалось ей, тоже считался. А мертвый?

– В смысле, мы только встретились, а она уже вся из себя, меня осуждает. Нам, ну, жить тут вместе вообще-то, нельзя повежливее, что ли?

– Вот да.

Раньше Кади считала, что студентов расселяют случайным образом, но если Андреа намеренно разместили в Уэлд-холл, то Кади ведь могли намеренно отправить подальше от Грэйса, общежития Эрика на первом году его обучения?

– И по правде, я шучу про родителей, да, но они мои родители. Я все понимаю, они все понимают, и мне не нужно объяснять это какой-то первой встречной.

И она не попала в Принстон или Йель. Просто потому, что подала документы в Гарвард, когда брат был на третьем курсе, и поступила через три недели после того, как он выпрыгнул из окна своей комнаты в общежитии. Может, ее приняли в качестве эдакой подстраховки а-ля «не подавайте на нас в суд»? Или из жалости?

– Нельзя судить привычки чужой семьи, понимаешь?

Кади снова сосредоточилась на Ранджу:

– Мне очень нравятся твои родители. И по вам видно, насколько вы друг друга любите.

– Спасибо. Они у меня клевые. Жаль, что я не застала твоих маму с папой.

– Ага, ну, по правде, ты не застала моих папу с тетей, но не суть, – отмахнулась Кади, но что-то в ее лице, должно быть, выдало боль, потому как Ранджу смущенно вскинула брови:

– Ой, прости, пожалуйста. Твоя мама?..

– Умерла? Нет, нет. – Брат умер. – Маме просто не до поездки.

Отговорка вышла достаточно сносной и расплывчатой – если не знать, что родственник, который таки отправился в поездку, прикован к инвалидному креслу.

Отец Ранджу, относивший свернутые коробки на цокольный этаж, вернулся и сообщил, что мусор уже почти расчистили, а потом добавил:

– А, и пока не забыл, Кади, скажи, пожалуйста, где ты купила толстовку?

Кади оцепенела – совсем забыла, что так ее и не сняла.

– О нет, не говори! – крикнула Ранджу из их спальни. – Он закупит их на всю семью. В магазине кампуса ничего не останется.

Кади дернула толстовку через голову, заглушая свое слабое восклицание о том, что как-то жарковато.

– Мое единственное дитя поступает в Гарвард, и ты думаешь, я стану это скрывать?! – крикнул отец в ответ.

Ранджу вышла из комнаты, по-прежнему его подкалывая:

– Знаешь, готова спорить, что Гарвард производит их и в Индии, скажи нашим, пусть закупятся прямиком на фабрике, сэкономите на доставке.

Кади метнулась за ее спиной в спальню, бросила скомканную толстовку на свою кровать, потом нырнула обратно в общую комнату.

– Какая умная штучка, – произнес доктор Васан. – Скажи мне, Кади, разве может хорошая дочь так упрекать отца?

Кади хмыкнула, пряча в смехе тревогу:

– Вопрос, скорее, к моему отцу.

Глава 4

Когда Кади вновь оказалась одна, успел наступить вечер. И Ранджу, и Андреа отправились поужинать с родителями. Кади взяла себе салат из ресторанной сети на Гарвардской площади, а съела его в комнате, сидя на матрасе и склонившись над страницами Эриковой тетради.

Снаружи донесся шум; Кади пересекла комнату и выглянула в окно. Она проследила, как шумные компании первокурсников носятся по окутанному темнотой Гарвард-ярд, их смех отражался от периметра старых кирпичных стен, дубов и плюща. Кади захлестнула волна одиночества. Она думала, что раз она и новые одноклассники все незнакомцы, развеселый дух общей потребности в общении утащит ее в расцветающую компанию, словно светский прибор. Она надеялась, что сможет, по крайней мере, завязать со своими соседками – или что дело будет обстоять проще, чем сейчас. Она смотрела в окно, и ей казалось, что для многих все так и есть. Ей хотелось погрузиться в бурный водоворот общения, но весь этот день Кади чувствовала себя отрезанной от остальных. Спасибо тайнам за это.

Способность хранить секреты – это у них, Арчеров, семейное. Кади помнила день, когда получила ответы от первой партии университетов. Письма о зачислении в Гарвард среди конвертов, которые Кади вытащила после школы из почтового ящика, не было. Потому что мать успела первой проверить ящик, забрать письмо и спрятать. Чего мать не знала, так это что Кади подписалась на уведомление и по электронной почте. Слова первой строки: «Поздравляем! С радостью сообщаем, что вы зачислены в Гарвард...» – хлопотали в сердце Кади еще с обеда. Только позже, днем, когда она сообщила матери, что ее приняли, та выдала ей бумажную версию. Мать сказала, что думала, мол, Кади расстроится, увидев письмо, и это звучало правдоподобно, ведь Кади сама скрывала от нее причину, по которой на самом деле хотела туда поступить.

Но свой первый вечер на месте Кади представляла совершенно не так. Когда она только подавала документы в Гарвард, то воображала, как они с Эриком будут вместе заезжать в кампус. Кади скорбела о той альтернативной реальности, где брат все еще оставался здесь. Он заранее знал бы, как все устроено, где забирать ключи, где парковаться, в хорошее ли тебя поселили общежитие. Он представил бы Кади своим друзьям, и она по умолчанию стала бы куда круче, потому что старшекурсники знали бы ее имя. Он таскал бы ее тяжелые вещи этими своими тоненькими, но странно сильными руками. Он пристал бы к Кади с мерзкими потными объятиями.

Дома она редко знакоилась с людьми без привязки к брату – извечная «Кади, младшая сестра Эрика Арчера». Все знали Эрика Арчера или хотя бы слышали о нем; он был из тех ребят, кого в старшей школе называли только полным именем. Тогда для Кади не было незнакомцев. Сейчас ими были все. И Кади лишь усугубляла положение. Почему она не могла сказать соседкам про умершего брата? Она говорила себе, что не хочет никого ставить в неловкое положение, но на деле причина была куда эгоистичней: Кади не желала казаться трагичной натурой. Трагедия бросает на человека тень, и люди не желают ее касаться – вдруг заразно. Одно дело – брат-гений, другое – брат-суицидник. Кади безумно хотелось переписать историю, дать Эрику, дать им обоим лучший исход. А если это невозможно, то и не упоминать вовсе.

Кади отошла от окна и вернулась к тетради Эрика. Может, брат все-таки сумеет познать кое-что с кем. Она снова перелистнула страницы, выискивая имена. Вначале несколько раз встречалось «Прокоп» – например, где Эрик набросал часы приема у «проф. Прокоп», – и Кади смутно припомнила, что это профессор, которая консультировала Эрика по работе на премию Бауэра, которую он так и не завершил. Кади стало интересно, не изменились ли часы приема в этом году.

Нашлась запись, которая бросилась в глаза потому, что сделана не почерком Эрика. На ранних страницах, где расчеты еще были аккуратно выведены карандашом, но одно решение было исправлено синей ручкой. Она же на полях обозначила: «Молодца! Никос».

Никос. Необычное имя, которое наверняка с легкостью найдется на Фейсбуке; Кади зашла в приложение на телефоне и действительно быстро его обнаружила. Увеличила фото профиля – точеные черты, темные волосы и глаза, в щеголеватом смокинге. «Черт, Эрик, – подумала Кади, – не мог нас с ним раньше познакомить?» Она побродила по его страничке: четвертый год обучения, изучает физику, как Эрик, то есть ходили на одни занятия. Пролитывая группы Никоса, Кади увидела, что он числился в местной команде по сквошу и университетском хоре. Кади пела в камерном хоре старшей школы и думала, не вступить ли в какую-нибудь вокальную группу в кампусе, и только что мысль стала куда привлекательнее.

Кади услышала, как снаружи открылась дверь общей комнаты; должно быть, вернулся кто-то из соседок. Она высунулась из спальни, втайне надеялась, что это Ранджу, но как раз успела увидеть, как за Андреа закрылась дверь ее комнаты.

Кади вышла и, немного поколебавшись, легонько постучала:

– Андреа, привет, это...

– Я переодеваюсь! – заорала изнутри та.

– ...Кади, – закончила она уже себе под нос.

Вот тебе и сближение с соседками.

Торчать под дверью и ждать появления Андреа было как-то неловко. Потому Кади перебралась в женскую уборную, отчасти намереваясь умыться перед сном и отчасти надеясь по пути встретить того, кто переубедит ее, что лечь еще рано, но коридоры пустовали. Она толкнула грязную стальную панель двери плечом. В одной из ближайших кабинок кто-то принимал душ, и мелькающая между занавеской и кафельной стеной тончайшая полоска обнаженной кожи заставила Кади почувствовать себя извращенкой. Она повернулась к душевым спиной и положила зубную щетку с пастой на край раковины, чистой, за исключением завитка чьего-то волоса. К нравам в общей ванной ей придется привыкать. Взрослея, Эрик уступил сестре власть над территорией ванной комнаты, и Кади приходилось мириться только с рыжими волосками, когда он брился, но их было немного. Эрика пугала таинственная сила женственности его сестры; из этого страха он всегда держался на почтительном расстоянии от ее странных девчачьих штук типа тампонов, скраба для тела и утюжка для волос, хотя иногда все-таки тайком брал ее шампунь. Кади временами замечала, что от брата пахнет розами, или манго, или другим ароматом, который она предпочла взять в тот раз, и ловила его с поличным: «Это жожоба меня выдало, да? Ай чтоб тебя, жожоба!»

Она посмотрела в зеркало, улыбаясь воспоминанию, и скрутила волосы в пучок на макушке.

Дверь в уборную распахнулась, и вошла Андреа, одетая в фиолетовую клетчатую пижаму и светло-лиловые тапочки.

– Ой, привет, – произнесла она подозрительно робко. – Прости, я переодевалась.

– Ага, без проблем, – одобряюще улыбнулась Кади. – Как прошел ужин?

– Хорошо. – Андреа устроила на соседней раковине фиолетовую в тон сумочку с принадлежностями.

Разговор теплел еще медленнее, чем вода в кране. Кади наклонилась умыться лицо.

– Ранджу пока не вернулась.

– Знаю. – Андреа выдавила на электрическую щетку полосочку пасты с такой сосредоточенностью, какую «Аквафреш» не то чтобы заслуживал. – Мы столкнулись с ней на площади. Родители водили ее в какой-то модный ресторан в их отеле. Я пригласила ее поесть с нами мороженого – чисто из вежливости, – но Ранджу сказала, что кое с какими людьми уже договорилась.

На словах «кое с какими людьми» Андреа изобразила пальцами кавычки, а остальное проговорила с щеткой в зубах, буквально исходя пеной:

– Какими людьми? Что за страшный секрет? Я не собиралась за ней тащиться, у меня мороженка была в планах! – Андреа умолкла и сплюнула. – Грубо.

И она сунула жужжащую щетку обратно в рот.

Кади промокнула лицо полотенцем, пытаясь придумать ответ.

Андреа прополоскала рот и сплюнула последний раз.

– Наверное, легко заводит друзей. Не знаю как.

Кади ощутила неприятную солидарность с Андреа, связавшую их клейкой смесью из неуверенности в себе и зависти.

– Можно взять у тебя немного пасты? Забыла свою.

Андреа протянула ей тюбик.

– Откуда у тебя шрам на шее?

Кади уронила тюбик в раковину.

– Ой, черт, прости. – Она завоzilась, вылавливая его, и вспыхнула: – Я... э-э... этот?..

Кади прикрыла шрам ладонью и солгала:

– Удалила родинку.

– Рак?

Она распустила волосы, скрывая шрам.

– Нет, но думали, что есть вероятность, а потому... – Пусть шрам был всего лишь углублением длиной в дюйм, он напоминал о стыде столь глубоко, что доставал до самого сердца. – Не люблю его, уродливый.

– Тебе нужно каждый день использовать крем от загара. Рыжеволосые склонны к раку кожи.

– Куда с родителями ходили? – Кади сунула в рот щетку, чтобы передать разговорную эстафету на ту сторону.

– В Бартлиз. Слышала про это знаменитое место с бургерами? Родители ходили туда на свое первое свидание, вот и захотели, чтобы я тоже попробовала. Сказали, мол, ничего не изменилось, кроме меню, что их порадовало, но я не очень-то люблю гамбургеры. Потом родители поехали домой. Они не из тех, кто станет тратить деньги на гостиницы, пока совсем не прижмет.

– Мои тоже.

– Ты про отца и тетю? Ранджу говорила, что твоей мамы не было.

– Ну да. – Кади мельком глянула на Андреа в зеркале: «И когда эти двое успели меня обсудить?» – Я в общем.

– А почему мама не приехала?

Кади вздохнула:

– Она абсолютно разочарована во мне за то, что я поступила в Гарвард.

Андреа на мгновение нахмурилась, сбита с толку, но потом расплылась в улыбке:

– А, ты шутишь, на этот раз до меня дошло.

Кади тоже улыбнулась, больше ничего не раскрывая.

– Увидимся в комнате.

Неуверенный взгляд Андреа проводил ее, отражаясь раз за разом в ряде зеркал.

Так что на пути обратно Кади преследовало не одно, но два болезненных воспоминания. Она быстро переделась и залезла под одеяло на своей нижней койке, но так и не сумела выстоять против двух воспоминаний сразу. И пока пыталась заснуть, ее разум все проигрывал тот ужасный вечер, когда она за ужином обсуждала с родителями свои письма о зачислении.

Она помнила, как отец откинулся на спинку стула.

– Гарвард. Ты поступила... серьезно?

Помнила, каких усилий стоило ни разу не посмотреть матери в лицо.

Затем отец глубоко вздохнул и вымучил улыбку:

– Что ж, чудесно.

– Энди! – Мать глянула на него так, будто он отпустил плохую шутку.

– Чудесно же. Университет невероятно престижный, и даже не будем упоминать, насколько избирательный, и они выбрали нашу дочь. Это огромный успех, Кади, поздравляю, – отец приподнял стакан с водой в сторону Кади.

– Ну да, милая, и я надеюсь, ты собой гордишься не меньше, чем я тобой, – мать коротко кивнула дочери. – Она очень много трудилась, а потому поступила во множество лучших вузов, включая Лигу плюща, и может выбирать. Разумеется, в Гарвард она не захочет.

– А ты ее спрашивала? – Отец вскинул брови, глядя на дочь. – Ты хочешь?

– Вообще-то хочу, – тихо отозвалась Кади.

– Отлично, тогда я тебя поддерживаю. Отличный выбор.

– Погоди, что? – уронила челюсть мать. – Кади, ты туда не хочешь.

– Это был первый пункт в моем списке.

– До того, но не сейчас. Как ты можешь туда хотеть?

Отец повернулся к матери:

– Не набрасывайся на нее. Пусть девочка решает сама.

– Поверить не могу, что мы вообще об этом спорим! – Мать издала смешок, но глаза ее вспыхнули. – Тебе просто нужно внимание? То есть сперва на церемонии развеивания праха, теперь сейчас?

Кади бросило в жар:

– Нет, тогда я не знаю, что случилось, я не хотела...

– Тогда почему ты так поступаешь?

Кади опустила глаза, стремясь защититься от пристального взгляда матери.

– Я просто хочу...

– Карен, – вмешался отец, – нельзя винить Гарвард. Мы должны признать, что Эрик был шизофреником. Его доконала болезнь, не школа. Его убил не Гарвард.

– Гарвард его не спас! – рявкнула мать. – Я привезла сына из гарвардского кампуса в мешке для трупов. Где-то там стоит кафетерий, где он в последний раз поел. Мне до сих пор приходят уведомления о книгах, которые он так и не вернул в Ламонт. Я получила письмо с соболезнованиями на гарвардском бланке с этой их идиотской гребаной алой печатью, которую я надеюсь больше никогда не увидеть. – К ее глазам подступили слезы. – Это обиталище величайшей трагедии моей жизни. Это его могила!

– Мам, – Кади потянулась к ней через стол. Она чувствовала себя ужасно и уже была готова передумать, как...

– Еще и ты. – Мать отшатнулась, уставилась на нее диким взглядом: – О чем ты думаешь? Как могла допустить даже мысль поступить так с нами? Со мной?

– Я хочу...

– Хочешь что? Протащить нас через еще четыре года агонии? Лишить меня сна на еще больше ночей? Честно говоря, не представляю, почему ты вообще хочешь через такое пройти сама. Как ты можешь это стерпеть? Как будто его смерть для тебя ничего не значит.

Кади ощутила, как к коже приливает жар, словно ей только что залепили пощечину.

Отец поднял ладонь:

– Хватит. Довольно. Мы все скорбим по Эрику, да, каждый по-своему, но тем не менее, и скорбеть будем очень, очень долго. Но я не допущу, чтобы жизнь нашей семьи строилась исключительно вокруг этой трагедии. Не допущу. Да, смерть Эрика всегда будет омрачать нашу жизнь. Но, Карен, ты как будто одержима только им.

- А чего ты еще от меня хочешь? Я его мать!
- Ты и ее мать тоже!
- И последние слова матери, прежде чем покинуть стол:
- Не сегодня.

Кади разбудил ее собственный перепуганный голос:

- Нет, нет, нет!

Во сне она выставила руки, словно пыталась оттолкнуть нависшего над ней человека, а вместо этого коснулась ячеистой сетки верхней койки. В комнате царил непроницаемый мрак, однако чувства медленно начали возвращаться: слегка пластмассовый запах новенького постельного белья, звук ее собственного тяжелого, частого дыхания, ощущение липкости холодного пота на шее и стеснения от простыни, в которой запутались ноги, словно Кади долго ворочалась. Наконец глаза привыкли к темноте, и она различила девичью руку, которая махала ей с верхней койки.

– Прости, прости, это я, – раздался оттуда же голос Ранджу. – Старалась потише, но пока только набиваю руку с этой верхотурой. Скрипит до ужаса.

Кади прерывисто выдохнула:

- Ничего. Я не знала, что там надо мной. И, кажется, мне снился кошмар.
- Тогда, наверное, хорошо, что я тебя разбудила? Но все равно извини. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи, – ответила Кади верхнему матрасу.

Как только страх ушел, на его место вернулось былое одиночество.

Кади дотянулась до лежащего на полу и подключенного к зарядке телефону, проверила время: 3.11. Бездумно пролистала мессенджер в поисках хоть какого-то утешения. Она еще днем написала своей лучшей школьной подруге, но та до сих пор не ответила, видимо, была слишком занята новыми товарищами в Пенсильванском университете. Кади зашла в список избранных и остановила полоску выбора на имени Эрика. В детстве, если ночью ей становилось страшно или снился кошмар, она шла в комнату брата и обо всем рассказывала. Иногда Кади даже выдумывала жуткий сон как повод, чтобы посидеть с ним. Поддавшись порыву, она набрала сообщение – украдкой, словно кто-то может ее поймать за этим занятием, – и нажала «отправить». А потом положила телефон обратно на пол рядом с кроватью и упала лицом в подушку.

Прошло несколько минут, прежде чем раздался дзынь – сигнал о полученном сообщении. Кади взяла телефон, и, как только увидела экран, по спине пробежали мурашки: «1 новое сообщение». Она не знала, что ожидала увидеть, эсэмэску с того света? Однако отчаявшиеся люди верят в чудеса. Сердце забилося чаще. Кади разблокировала телефон и зашла в мессенджер. Экран вспыхнул ослепительно белым. На нем значилось:

Ошибка доставки
Текст сообщения: Я скучаю.
Отправлено: 3.12
Получатель: **Эрик** недоступен

Глава 5

– И ваше имя...

Доктор Сатклифф, дирижер хора Холдена, потер костяшками кустистые белые усы, окидывая взглядом планшет.

Кади выдохнула – нервно, прерывисто. Она стояла в репетиционной Пейн-мьюзик-холла, собираясь приступить к выступлению на суровом прослушивании, которое определяло, попадет ли она в один из семи кампусных хоров, начиная от самого избирательного, Коллегиум Музикум, до более радушных, с меньшим количеством латыни в названиях, например Хор Гарварда-Рэдклиффа. Университетский хор болтался где-то посередине, и Кади надеялась встретить друга Эрика, Никоса, среди его участников, которые заведовали столом регистрации, помогали устроить прослушивание. Она даже заявила на полчаса раньше, чтобы все исследовать, но, к ее разочарованию, Никоса там не оказалось. Теперь, видимо, придется идти до конца.

– Каденс Арчер.

– А-а. Начнем с произведения, которое вы готовили заранее. Сопрано, верно?

Кади кивнула, и трое действующих участников хора поднялись с мест в первом ряду. Они окружили ее, и доктор Сатклифф поднял руки, готовый дирижировать. Кади не сводила глаз с партитуры, ожидая отсчета и пытаясь держать дыхание медленным, размеренным.

Доктор Сатклифф откашлялся и бросил взгляд через плечо на аккомпаниатора:

– Никос? Приступим?

Никос. Кади встретила с ним взглядом лишь на мгновение, прежде чем он склонился к клавишам, но ей хватило, чтобы убедиться – это он, и он смотрел на нее. Его черные как уголь волосы качнулись, и Никос заиграл волнующее вступление. И все-таки один краткий миг – и она заметила, что вживую он даже красивее.

Кади вступила на долю позже и залилась краской, но реабилитировалась и допела как можно лучше, при том что ее отвлекали мысли о парне за фортепиано. Она взяла себя в руки для второй песни – проверки ее способности читать ноты с листа, в чем она была сильна, – но исполняла Кади для единственного зрителя.

– Благодарю, квартет, – произнес доктор Сатклифф, когда они завершили второй номер. – Теперь проверка слуха. Никос, это я возьму на себя.

Никос встал из-за фортепиано, но не понял взгляда. Кади вдруг отчетливо стукнула мысль, что зря она все затеяла – что он даже смотреть на нее не может, что он считает ее чудилой, странным напоминанием о многострадальном сокурснике. Ей хотелось исчезнуть из комнаты и...

Он поднял взгляд, прерывая затягивающий ее водоворот мыслей теплой, ободряющей улыбкой, и одними губами произнес:

– Удачи.

Кади снова вспыхнула – теперь с облегчением.

Доктор Сатклифф устроился за инструментом.

– Начнем?

Кади кивнула, и дирижер принялся за проверку:

– Возьмите среднюю ноту этого аккорда... третью вверх... теперь шестую вниз.

И всякий раз Кади с легкостью справлялась с заданием. Наконец доктор Сатклифф, поднявшись из-за фортепиано, взглянул на нее:

– Вы знаете ноту, которую только что пропели?

– Это ля, – ответила Кади.

– И как вы пришли к этому выводу?

– Она так звучала.

– Мгм. – Сатклифф снова потер усы. – Возьмите фа диз.

Как только Кади это сделала, он зажал клавишу, и звук полностью совпал. Сатклифф вышел из-за инструмента и скрестил руки на груди:

– Абсолютный слух встречается реже, чем у одного из десяти тысяч человек. У вас абсолютный слух?

– Думаю, да. – Под прямым взглядом Кади стало неуютно.

– Его обладатели не думают, они знают. Так вот?

– Да.

– Как я и предполагал. Когда мы начали, вы нервничали, но не стоит. У вас дар.

– Спасибо, – произнесла Кади, стараясь не смотреть на Никоса.

– А что вы думаете об этом фортепиано?

Она поколебалась.

– Очень хорошее.

– А настройка?

На этот раз без колебаний:

– На полтона понижена.

Доктор Сатклифф с усмешкой глянул на Никоса.

– Прекрасно.

Кади вышла из репетиционной воодушевленная, переполненная адреналином от прослушивания, и даже больше – от первой ниточки в мир Эрика в Гарварде. Она как раз пыталась замедлить мысли, спланировать следующее «случайное столкновение» с Никосом, как вдруг ее плеча коснулась рука.

Рядом стоял Никос.

– Извини, просто хотел сказать, что ты была великолепна. Абсолютный слух – это как суперсила.

У него оказалось очаровательное британское произношение; Кади постаралась не слишком на него отвлекаться.

– Спасибо, но начало у меня вышло довольно паршивое.

– Ничуть. Слышала б только бляение до тебя. Я, кстати, Никос.

«Знаю, я же тебя выследила».

– Я Кади.

Она пожала его руку. Карие глаза обвели лицо Кади, и все фразы, которые она мысленно репетировала, тут же вылетели из головы. Во рту пересохло сильнее, чем на прослушивании.

Однако Никос ее спас:

– Должен признаться, я и так понял, кто ты. Узнал имя и, конечно, волосы. Твой брат, Эрик, был моим близким другом. Я очень по нему скучаю. И очень соболезную.

Кади обдало волной облегчения.

– Спасибо.

Ей понравилось, что Никос, в отличие от многих других, не колебался упомянуть имя Эрика. Ей не хватало его звучания.

– Знаю, как здесь поначалу бывает одиноко, и да, не могу сравнить с тем, каково тебе, но немного понимаю, насколько одиноко здесь без Эрика. Хотел представиться и сказать, что если тебе что-то нужно, что угодно, то я рядом.

Никос говорил все, что Кади надеялась от него услышать. Ответить она не могла – мешал ком в горле.

– Эрик рассказывал про тебя, потрясающую младшую сестренку Кади.

– Правда? – наконец вымучила она.

– И часто. – Никос улыбнулся уголком рта, отчего между глазом и скулой залегли морщинки.

– Кажется, я помню, что твое имя тоже слышала. – Не совсем правда, но почему бы и нет. – И если попаду в хор, то, может, будем видеться.

– О, я не из поющих. Играю на церковном органе вместе с универским хором и временами аккомпанирую на фортепиано во время репетиций, но в основном занимаюсь сам.

– А-а. – Кади едва скрыла разочарование. – Ну ладно, отпущу тебя обратно на прослушивания.

– Да нет, у них есть второй пианист, а я уже свободен. Не хочешь составить компанию за обедом? Могу сводить тебя в один из знаменитых ривер-хаусов. Сама ты туда не попадешь, как первокурсница, но...

Кади охнула:

– Семинар для первокурсников! – Она совершенно о нем позабыла. – Черт, первое собрание, а я уже опаздываю.

– О нет! Где он? Знаешь, как добраться?

– Э-э... – Кади зарылась в тетрадку в поисках своей идиотской распечатки с расписанием. – Север двести семь. И нет, понятия не имею.

– Следуй за мной.

Никос энергичным шагом провел ее мимо зелени к Север-холлу, массивному зданию из красного кирпича, чей вход скрывался под полукруглой аркой, словно зияющий голодный рот. Кади торопливо попрощалась с Никосом, толкнула плечом тяжелую дверь и ринулась на второй этаж, перепрыгивая через одну или даже через две мелкие ступеньки зараз. Когда она добежала до двери с цифрами «207» на матовом стекле, часы показывали 14.11.

– А, смотрите, явилась! – хлопнул в ладоши профессор Хайнс с издевательским воодушевлением.

В серых слаксах, простой белой рубашке и темном блейзере он казался моложе прочих профессоров – правда, возраст все равно выдавали резкие залысины на лбу. Остальные двенадцать студентов сидели вокруг длинного стола темного дерева и смотрели на Кади.

– Простите, – тихо произнесла она, опустив голову.

Свободным оставалось только одно место – как раз рядом с профессором. Кади заняла его как можно быстрее, ожидая, что обсуждение, каким бы оно ни было, сразу продолжится. Однако этого не произошло. В аудитории еще долгую, мучительную минуту царила тишина. Кади набралась смелости повернуться и взглянуть на Хайза, сидящего в считанных дюймах.

Профессор смотрел на нее, подперев голову ладонью, и улыбался. В изгибе тонких губ не было и следа доброты, модные очки в пластиковой оправе ничуть не смягчали пристальный взгляд.

Не зная, что еще сделать, Кади снова извинилась:

– П-простите за опоздание. Такого больше не повторится.

Профессор Хайнс скрестил руки, продолжая улыбаться.

– Ну? – вскинул он брови на широкий простор лба.

Кади понятия не имела, что он хочет от нее услышать или увидеть. Она перевела взгляд на однокурсников: знакомых лиц не было.

– О, прошу простить, – продолжил Хайнс. – Предположил, что раз уж вы столь важная персона, чтобы заставлять нас всех ждать, то хоть скажете нечто, стоящее ожидания.

– Я не считаю себя важной. Я просто заблудилась по пути, – едва выдавила Кади.

Профессор Хайнс нарочито надул губы.

– Ну конечно же. Вы ведь новенькая. – Он сделал паузу. – Не то что эти первокурсники. Кади ощутила вспышку обжигающего стыда.

– Кстати, о ваших однокурсниках: вы пропустили представление, когда мы по очереди называли имя, место рождения и так далее. Теперь вы наверняка не запомните их имена, и никто не станет вашим другом. Все, разумеется, запомнят вас, Каденс Арчер, потому что вы войдете в историю курса как девушка, опоздавшая в самый первый день. Какая ирония!

Стыд в щеках поднялся куда-то к глазам, но Кади знала, что слезы только раззадорят профессора. Раньше она не могла так легко расплакаться – до Эрика.

– Такого больше не повторится.

– Да, обычно не повторяется. – Профессор Хайнс встал и повернулся к аудитории, словно актер на сцене: – С первокурсниками такое бывает. Вы приезжаете сюда полные самомнения, гордости. Вы привыкли считаться самыми умными в классе, лучшими учениками, первыми в бог знает какой старшей школе. Что ж, детишки, вы больше не в Канзасе. Это место поставит вас на место, хотите вы того или нет. Или, по крайней мере, – он положил руку на сердце, – поставлю я.

Студенты беспокойно заерзали.

– Так о чем это я? Ирония, верно. Тема, которую мы в этом семестре тщательно изучим. Отличный пример того, как поэт прибегает к иронии, – драматические монологи Роберта Браунинга. Пожалуй, самым знаменитым был «Моя последняя герцогиня»...

Следующие сорок пять минут Кади провела, склонив голову к тетради, не осмеливаясь поднять даже взгляд, не говоря уже о руке. Она пыталась конспектировать, но могла думать лишь о том, что ни одна написанная работа, ни одно высказывание по теме, никакое отсутствие опозданий уже не изменят первое впечатление этого человека о ней. Кади с таким нетерпением ждала этот предмет; все семинары для первокурсников требовали предоставить на рассмотрение работу, и Кади корпела над сочинением, чтобы сюда попасть. И это был единственный предмет с маленькой аудиторией, остальные – лекции. Так что единственный преподаватель, который действительно знал, что Кади существует, считал ее высокомерной соплячкой. Фу, скривилась она про себя. И как только так вышло?

Когда часы милостиво пробили три и профессор Хайнс отпустил студентов, Кади ринулась к двери. Коридор и свобода были уже рукой подать, как вдруг сзади раздался голос:

– Мисс Арчер, – позвал профессор Хайнс и поманил ее пальцем. – На пару слов. Не хотел бы вынуждать вас опаздывать и на следующую пару.

Набрав в легкие воздуха, Кади шагнула к нему против потока выходящих студентов.

– Я хочу снова извиниться за опоздание. На меня совсем не похоже, я обычно очень пунктуальна и думаю, что у вас могло создаться ложное впечатление...

– Мне плевать, – перебил ее профессор Хайнс. – Честно, я не нуждаюсь в истории вашей жизни. Когда вы заявляетесь на мое занятие с опозданием, вы проявляете ко мне неуважение. А когда вы проявляете ко мне неуважение перед аудиторией, вы ставите меня в неловкое положение. Так что все просто: всякий раз, как вы ставите меня в неловкое положение, я проделываю то же самое с вами. И поверьте, я в этом хорош.

«Да неужели?» – подумала Кади.

– А что касается впечатлений, то либо ваша работа на занятиях меня впечатлит, либо нет. Все в ваших руках. Ясно?

Кади кивнула.

– Вот и умница. Увидимся на следующей неделе.

И Кади ушла. Спускаясь по ступенькам Север-холла, она клокотала от злости. «Вот и умница». Какое право он имел так с ней разговаривать? Да кто он вообще такой? Плевать, нравится она ему или нет, пусть валит ее сколько угодно, у нее для него было всего два слова, и точка. Пошел н...

– Привет!

Кади подняла голову за секунду до того, как столкнуться с высоким парнем, и сообразила, что произошло, еще через мгновение.

– Прости... что?

– Ты в порядке? Жестко там вышло. – Парень вскинул брови, такие же светлые, как и его короткостриженные волосы, выжидающе глянул на Кади, потом добавил: – Виноват, забыл, что ты пропустила знакомство. Я Алекс, мы на семинар вместе ходим.

– А, точно, прости...

– Хватит уже извиняться. Хайнса тут нет.

Она рассмеялась:

– Спасибо. А меня зовут Кади.

– О, твое-то имя я запомнил. Это Хайнс подметил точно.

Кади застонала.

– Да ну, брось, шучу. Я все равно бы запомнил. – Алекс оглянулся через плечо. – И Хайнс кажется полным ушлепком.

Кади тут же расслабилась.

– И не говори!

– Ага, конченный. Ты же на каких-то пять минут опоздала.

– Э-э... скорее на одиннадцать.

– Нет, никто даже не рассчитывает, что мы появимся в аудитории раньше семи минут после начала – негласное правило Гарварда. Я пришел буквально за минуту до тебя, так Хайнс и слова не сказал. Понятия не имею, почему он так психанул.

– Ну спасибо. Рада узнать, что его ненависть ко мне исключительно личная.

Алекс рассмеялся. «У него прекрасный смех», – подумала Кади. Они поболтали, спускаясь на первый этаж. Вкупе со стрижкой ежиком и голубыми глазами Алекс выглядел так, будто вырос на свежем воздухе и каждый день выпивал по стакану молока. Кади с трудом поверила, когда он сказал, что родом из Бруклина.

На первом этаже народу было значительно больше, люди выходили и входили, кружили вокруг, и на середине фразы их вдруг разделило столпотворение у дверей. Наконец выбравшись наружу, Кади сощурилась против солнца и попыталась найти Алекса среди моря рюкзаков и голов.

– Каденс!

Она развернулась, увидела машущего ей Никоса. Улыбнулась и шагнула к нему, радуясь встрече с еще одним дружелюбным человеком.

Когда Кади подошла, Никос положил ей ладони на плечи:

– Ну что, дорогая, выжила?

Она открыла было рот для ответа, как рядом вдруг возник Алекс.

– Увидимся, – произнес он, кивая.

– Ой... – повернулась к нему Кади, но Алекс уже быстро удалялся. – Увидимся, – отозвалась она все равно.

Никос перехватил ее руку и внимание.

– Дай-ка мы тебя осмотрим. – Он оттащил Кади от толпы и повертел. – Целая и невредимая? Хвала небесам.

– Ты удивлен?

– Ну, ты опоздала на занятие к профессору Хайнсу. А он известный мудака. Я беспокоился. Но рад видеть тебя без потерь.

– Не совсем. – Кади закатила глаза и пересказала случившееся. – А потом тот парень сказал мне, что тоже вообще-то опоздал и Хайнс ему ничего не сказал. Почему тогда сорвался и наехал на меня?

– Который парень?

– Алекс, который, ну, просто на тот же семинар ходит.

– Он тоже опоздал? – Никос скрестил руки поверх красного пиджака. – Было бы неплохо с его стороны вступить за тебя, м-м?

Кади нахмурилась. Об этом она не подумала.

– Скоро ты узнаешь, что здесь полным-полно подхалимов. Изредка появляется теплое и уютное чувство, мол, мы здесь все в одном окопе, но это хитрая уловка, чтобы усыпить твою бдительность и спереть у тебя конспекты.

Кади надеялась, что Никос шутит. Она плотнее запахнула стеганую куртку.

– Ты все это время ждал?

– Нет, боюсь, что не настолько предан, милая, – пока что. Мы же только познакомились.

Кади не сдержалась и хихикнула. Никос был не похож на ее знакомых парней. Он казался уверенным и сообразительным, его мозг работал будто бы в три раза быстрее, чем у нее. Или, может, все дело в британском произношении.

– Правда, я-таки вернулся сюда после собрания по поводу дипломной, что, наверное, тоже считается.

– Весьма. Я ценю.

Кади была тронута: друг Эрика так старается, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Ей пришлось одернуть себя от мыслей, что его интерес к ней, вероятно, выходит за пределы около-братской заботы. То, что Никос – любитель пофлиртовать, было видно невооруженным глазом. Единственное, что Кади не могла понять, – как они с Эриком, такие разные, оказались близкими друзьями. С девушками Эрик был застенчивым, Кади никогда не видела, чтобы он с ними заигрывал, по его части скорее возвращать чувства издали.

– И раз уж тогда ты так спешила, мне не удалось показать тебе наилучшую часть Север-холла.

– Нет, спасибо. Я туда теперь без особой надобности не вернусь.

– Внутри заходить не придется. Поверь.

Гарвард-ярд опустел, среди зелени бродило всего несколько студентов; еще оставались туристы – как группы с экскурсоводами, вооруженными маленькими флажками или зонтиками, так и одиночки с фотоаппаратами. Кади предстояло привыкнуть, что она учится в заведении, куда люди приезжали через полмира лишь бы сделать фото, и винить их в этом было сложно. Сейчас над Кади возвышалась Мемориальная церковь, великолепное строение красного кирпича, с мраморным ступенями, круглыми колоннами и снежно-белым шпилем, устремленным в небеса. А напротив нее – громадная библиотека Уайденера с бесконечной лестницей, поднимающейся к величавым римским колоннам. Кади пока что слишком уж благоговела, чтобы туда заходить.

Она неохотно проследовала за Никосом к главному входу-арке в Север-холл, где он поставил ее практически вплотную к краю арки.

– Так вот что в этой арке особенного: если ты стоишь совсем рядом, как сейчас, и шепчешь прямо в кирпичи, тебя будет слышно на другой ее стороне.

– Правда?

– Клянусь. Моя любимая особенность всех местных зданий. Напоминает о говорящей стене в саду моей бабушки в Англии, волшебные штуки там – дело более привычное.

Кади коснулась грубого кирпича ладонью.

– Откуда ты это знаешь?

Темные глаза Никоса сверкнули, на губах заиграла озорная усмешка.

– Я знаю все.

– А я думаю, что ты трепло.

– Давай попробуем, сама увидишь. Все дело в математике и акустике; могу объяснить, если хочешь.

– Не стоит, я все равно не пойму.

– Поймешь, конечно, ты же сестра Эрика Арчера.

Кади улыбнулась.

– Но со скуки обзеваясь, так что лучше поверь в магию. А теперь постой здесь, – произнес Никос, удаляясь спиной вперед к другому концу арки. – Я прошепчу тебе тайное послание, ты – мне, а потом встретимся снова.

– Ладно.

Кади дождалась, пока он займет место на той стороне. Затем приложила ухо к арке. И отшатнулась: холод, исходящий от кирпича, обжег щеку, словно лед. Однако свист ветра действительно усилился, что разожгло в Кади любопытство. Она наклонилась второй раз и услышала просочившийся в ухо тихий голос:

– Дабы грех породить, достаточно единственной ошибки.

По спине Кади пробежали мурашки – и вовсе не от холода.

Никос усмехнулся, глядя на нее. И, прижавшись ухом к арке, жестом показал, что теперь очередь Кади.

Та повернулась лицом к стене и прикрыла рот ладонями, понимая, что теперь ее ход, хотя игрой все происходящее уже не казалось. Никос действительно сказал ту фразу? Означала ли она то, что Кади подумала?

В голове крутилось столько вопросов, что Кади никак не могла придумать ответ.

Спустя минуту Никос отстранился от арки, затем подошел.

– Совсем тебя не услышал. А ты меня?

Кади окинула нового друга подозрительным взглядом:

– А что ты сказал?

– Нет, давай-ка скажи, что услышала! В этом и все веселье, как играть в испорченный телефон. – Никос даже приподнялся на носки от восторга.

– Ничего не вышло, просто скажи.

Никос бросил взгляд через плечо и спокойно перевел его на Кади.

– Я сказал, что профессор Хайнс – чмошник. Не лучшая моя фраза, но не думал, что так пролечу.

– Прости. – Кади слабо улыбнулась. – Не услышала.

– Тогда мне бы сошло с рук нечто куда хуже.

Она снова всмотрелась в лицо Никоса:

– Это шутка?

– Конечно! Она прозвучала бы лучше, если бы все сработало, не знаю, что пошло не так. Что ты сказала?

– Я сказала «привет», – соврала Кади.

– Привет? Чертовски скучно! Я-то надеялся на что-нибудь шаловливое, – ухмыльнулся Никос.

Но Кади, как и погода, охладела.

– Мне надо в комнату вернуться.

– О, пока не ушла, хочу пригласить тебя на вечеринку в Фениксе, я член...

– Ага, может, зайду.

– Хорошо. Скину тебе подробности.

Кади ответила кивком и направилась через Гарвард-ярд к общежитию.

– И надо еще раз попытать счастья с аркой! – крикнул вслед Никос.

Но Кади не обернулась. Она ускорила шаг и плотнее запахнула куртку, слова продолжали отдаваться в голове эхом:

«Дабы грех породить, достаточно единственной ошибки».

Если это сказал не Никос... то кто?

Глава 6

Научный Центр был самой уродливой постройкой кампуса, квадратной конструкцией из бетонно-стеклянных ступенчатых ярусов, эдакий зиккурат мира науки. Он вмещал Научную библиотеку Кэбота и всемирно известных физиков, математиков, мастеров всевозможных научных областей. Центр мог позволить себе выглядеть неказисто; главной его ценностью был ум находящихся в нем людей.

«Ну, не всех, – подумала Кади, чуть не споткнувшись внутри вращающихся дверей, – здесь же и я».

Как только она вошла в главный вестибюль, внутри засел страх. Может, из-за первого впечатления от этого места: Кади была здесь на распределительном экзамене во второй день – в рамках гарвардской не то чтобы очень радушной Недели Первокурсников. Или, может, всего лишь из-за неуверенности в своих силах в математике и точных науках – это были специальности Эрика. Кади же предпочитала историю, литературу и прочие сферы, допускающие вольную трактовку.

К счастью, единственным делом, которое привело сюда Кади сегодня, была лекция по курсу Психо 100, который быстро ей понравился. Профессор Бернштейн оказался полон харизмы и энергии, в результате в аудитории не осталось свободных мест. Занятие проводилось в самой большой лекционной Центра, рассчитанной на триста человек, и опоздавшим все равно пришлось сидеть в проходах. Тем утром Кади пропустила завтрак и где-то за чуть меньше получаса до лекции решила перекусить на местном фуд-корте, известном как Гринхаус-кафе или просто Гринхаус. В это время там уже готовились к обеду, и от запаха свежей пиццы у Кади заурчало в желудке. Она вспомнила рассказы Эрика про его «научные суши», которыми он каждый день обедал, – родители с ним ругались, мол, нечего тратить деньги, когда есть абонемент на питание. Кади дразнила брата мудростью поедания сырой рыбы на фуд-корте, на что он пожимал плечами: «Укрепляет иммунитет».

Кади взяла ролл с острым тунцом и встала в очередь у кассы, небольшого островка с четырьмя кассиршами на высоких стульях. Когда Кади наконец приблизилась, ей помахала низкорослая кругленькая женщина:

– Следующий! Подходите! Готовьте ключ-карту заранее, – произнесла она, выдавая сильный бостонский акцент.

Кади порылась в холщовой сумке в поисках своего студенческого, который служил одновременно и ключом, и платежной картой.

– Простите, она точно где-то тут.

Женщина громко вздохнула, недовольно сжав тонкие алые губы в ниточку и закатив накрашенные зелеными тенями глаза.

– Поэтому я и сказала: заранее.

– Простите, сейчас, минуту.

– Вас обслужить? – поинтересовалась кассирша у кого-то над головой Кади.

Кади оглянулась и увидела позади себя высокую блондинку.

– Ничего, я не спешу, – отозвалась она.

– А! Вот! – Кади победно вскинула карту и вручила ее кассирше.

– Арчер? – сощурилась на студенческий билет та. – Твоя фамилия Арчер?

– Да.

– И как я сразу не догадалась! – воскликнула кассирша, вдруг оттаяв, и заулыбалась: – У тебя брат здесь учится, да!

– Мой брат здесь учился. – Кади решила не распространяться, раз уж кассирша не то чтобы спрашивала.

– Суши, полное замешательство – все как у него. – Женщина хмыкнула: – Но рыжие волосы тебя выдали с потрохами. Ты просто его копия, умереть не встать.

Кади чуть не передернуло.

– Он мой приятель! Приходит сюда, всегда берет одно и то же, никогда не находит карту. – Кассирша подалась ближе: – А я смотрю сквозь пальцы и пробиваю ему как сотруднику, так что скидку он все равно получает. В прошлом году он помогал мне разгадывать sudoku во время моих перерывов, учил всяким штукам. До него я только самый легкий уровень могла осилить. А теперь? – Она выдержала паузу. – Сложный!

Кади улыбнулась:

– Круто. Эрик отлично смыслит в задачках.

Кассирша довольно ухнула:

– И даже больше! Он вообще гениальный, твой братец, даже по меркам этого места. Всегда корпит за тетрадками во время обеда. Ты, должно быть, тоже чертовски умная.

– До него далеко, – первое, что Кади сказала честно.

– Ну не надо, – отмахнулась кассирша. – Все вы, девочки, такие. Вам недостает мальчишеского бахвальства. Поверь, дружок, если ты здесь, то ты умная. – Она вручила Кади чек и вернула карту. – Твой брат еще не заходил повидаться этой осенью. Выпустился в прошлом году?

– Ага, выпустился, – сказала Кади, избегая ее взгляда. – Осталась только я.

– Я – Эйлин. Передавай Эрику от меня привет.

Кади просидела за столиком кафе каких-то несколько минут, как к ней вдруг подошла с подносом в руках блондинка из очереди.

– Прошу прощения, не могла не услышать. Вы сестра Эрика Арчера? – необычайно четко выговорила она.

– Да, верно.

– Я преподаватель кафедры физики. К сожалению, я знаю, что Эрик не выпустился. Мои соболезнования.

Кади вспыхнула, пойманная с поличным.

– Спасибо.

– Он был в числе моих любимых студентов, поистине блестящий ум. Он обладал таким потенциалом, только подумать, чего он мог бы достичь... – В глазах женщины мелькнуло какое-то чувство, но она его сморгнула. – Не знала, что у него здесь учится сестра. Ваше имя?

– Я Каденс.

Блондинка протянула ладонь, слегка отливающую лиловым на фоне остальной алебастровой кожи, явно холодную на ощупь.

– Рада знакомству, – произнесла женщина, когда они с Кади пожали руки. – Могу я присоединиться?

– Конечно. Но, простите, я не запомнила вашего имени.

– Ох, это потому что я его не назвала. Прошу простить, я математического склада ума, слова – мой второй язык, а английский – и вовсе третий. – Улыбка подчеркнула прелестные высокие скулы, очки без оправы ничуть не умаляли красоты серых глаз. – Я – профессор Микаэла Прокоп.

– О...

Встреча застала Кади врасплох. Разумеется, имя было ей известно, но по причинам, которые теперь казались и глупыми, и сексистскими, Кади даже не думала, что профессор – женщина, и уж тем более довольно молодая.

– Вы были куратором Эрика в прошлом году, да?

Прокоп убрала тонкую светлую прядь за ухо.

– Я курировала его проект на премию Бауэра, и он был моим лаборантом. Я рано распознала в нем талант. Сложно было его упустить.

Это подстегнуло память Кади. Она, как правило, отключалась, когда Эрик заговаривал о занятиях, так как он все равно не вдавался в детали из-за паранойи, но припомнила, что к работе Эрик подходил очень серьезно. Она и премия Бауэра стали краеугольными камнями его аргументов в споре с родителями по поводу приема лекарств, которые, как он думал, приглуляли остроту его ума. Или, когда ему стало хуже, по поводу академотпуска для неотложной терапии. Несмотря то что преданность исследованию, возможно, сделала его устойчивым к лечению, в те дни придать ему сил могла лишь работа. Теперь Кади понимала, что сидящая напротив женщина была рядом с Эриком в худшие мгновения его болезни, давала ему то, к чему стремиться, ради чего жить, ровно до момента за несколько месяцев до его смерти. На Кади накатила волна благодарности.

– Он так гордился возможностью с вами работать. Спасибо, что вы занимались с ним так долго, – сказала Кади.

Профессор Прокоп, нахмурившись, качнула головой:

– Я занималась с ним так долго, как могла. Провела много бессонных ночей из-за того, что пришлось оставить его кураторство. Сказала ему считать это передышкой. Как бы я хотела, чтобы это она и была. Как бы я хотела помочь ему больше.

– Уверена, вы сделали все, что могли, и даже больше, чем многие. – Кади жалела, что не поддерживала брата так, как профессор. – Ваша совместная работа много значила для него и для моей семьи. Расскажу маме, что встретила вас.

И тут Кади вспомнила, что мать с ней не разговаривает.

– Вас изучение физики не интересует? Еще не поздно включиться в один из моих курсов, для Арчера уж точно.

– О нет, я скорее противоположность Эрика – по гуманитарным дисциплинам. Где нет неправильных ответов, – пошутила Кади.

– Вы описываете квантовую запутанность, но в рамках семьи. Если одна частица вращается по часовой стрелке, вторая должна вращаться против часовой стрелки. Такая теория: насколько близки или далеки бы ни были две частицы, они существенно друг на друга влияют. Вы считаете себя противоположностью брата, и все же посмотрите, где вы находитесь. Не такие уж вы разные, м? Так что бросайте вызов своим гипотезам, – Прокоп улыбнулась. – Вот вам немного квантовой терапии. А теперь, к сожалению, вынуждена вас покинуть и подготовиться к следующему занятию. Очень рада встрече. Прошу, передавайте семье мои соболезнования. Эрика на кафедре очень не хватает.

Кади попрощалась и проследила, как профессор уходит, жалея, что они так мало поговорили. Затем она откинулась на спинку стула и представила, как они с братом вращаются вокруг друг друга – не противоположные, не одинаковые, но спутанные.

Кади вошла в Лекционный зал С и вытянула шею, выглядывая среди верхних рядов Ранджу, словно утенок в поисках матери. Это было единственное занятие, где она пересекалась с соседкой, и они быстро привыкли сидеть рядом, так что Кади надеялась отсюда перейти к этапу дружбы. Она заметила Ранджу примерно на том же месте, где и обычно – соседка махала ей рукой из кокона огромного шарфа, – и присоединилась.

– Я успею нагнать три главы, которые должна была прочитать, за три минуты до занятия? – Ранджу листала учебник, едва ли не каждый ее палец был украшен серебряным кольцом. – Или, еще лучше, их читала ты?

Кади усмехнулась:

– Читала.

– И нас, как всегда, спасает королева домашки!

– Рада помочь, пусть ты и заставляешь меня чувствовать себя очень некрутой.

– О нет, девушка! Ты в этой фигуре топчик. Хочу быть как ты, когда вырасту. А пока предпочту посидеть у тебя на шее. Так вот, можно мне краткое содержание?

Кади пересказала как можно больше, прежде чем появился профессор Бернштейн. Ей повезло, что она так прилежно относилась к чтению, потому что сфокусировать внимание на лекции в тот день оказалось очень уж тяжело. Бернштейн оставался, как всегда, занятым, однако вместо того, чтобы вести на ноутбуке конспект, Кади мысленно возвращалась к разговору с профессором Прокоп. Их краткое знакомство оставило у Кади неожиданный осадок вины. Прокоп, несомненно, была главной особой в жизни ее брата в кампусе, а Кади даже не знала, что она женщина. В какой-то момент Эрик определенно упоминал, что Прокоп – она, но Кади об этом забыла или, хуже того, вообще прослушала. Что только подчеркивало факт, на который Кади предпочитала закрывать глаза: в конце жизни Эрика они стали друг другу чужими. То, что теперь ей оставалось собирать в единую картину подсказки из его записей, само по себе унижительно, но так очевидно проколоться... как соль на рану. Они были такими не всегда. Когда Эрик уехал на учебу, между ними в буквальном смысле появилось расстояние, но во время первого курса они часто перебрасывались и-мейлами, эсэмэсками, иногда даже болтали по телефону. Эрик все еще оставался частью ее жизни. Она чувствовала, что в тот год брат страдал от депрессии, он давал это понять в мрачных посланиях, но не знала, как поступить. Когда на втором курсе ситуация ухудшилась, успеваемость Эрика скатилась, и он замкнулся в себе. Сперва Кади старалась оставить его в покое, быть единственной в семье, кто не задает ему вопросов. Но чем сильнее прогрессировала болезнь, тем больше они ссорились во время его приездов домой. Кади ставила под сомнения его параноидальные теории, хотя психиатр сказал ей, что это ничего не изменит. Кади думала, что если сможет просто подступить к брату, то сумеет раскопать ту логику, которая сковывала его разум всю жизнь. Но вскоре Кади устала с ним ссориться и перестала вообще что-либо говорить. Она говорила себе, что дает свободу, но просто позволила Эрику ускользнуть.

Она решила, что возьмет конспект у Ранджу – а за это одолжение ей будет вполне легко отплатить. Вместо этого Кади полезла на страничку кафедры физики, поискать больше сведений о профессоре Прокоп. Проверила ее часы приема, отправила ей имейл со словами о том, как приятно было с ней столкнуться, и вопросом, нельзя ли зайти и еще немного поговорить об Эрике. Спустя три черновика Кади все же набралась смелости скопировать адрес Прокоп в строку «Кому», а кнопку «Отправить» кликнула лишь в самом конце занятия. Однако, если отбросить тревоги, Кади впервые с переезда в кампус Гарварда ощутила, что чего-то добилась.

Кади и Ранджу влились в поток выходящих и входящих студентов, вынужденных втискиваться во вращающиеся двери Научного Центра, словно враждующие косяки рыб, и дождались своей очереди выплюнуться под яркие лучи солнца. Снаружи Кади тут же окружила толпа. Ранджу отделилась от нее, забирая левее, в сторону Анненберг-холла, столовой для первокурсников, как они постоянно делали после лекции Психо.

– Позовем Андреа с нами? – спросила Кади.

Ранджу распахнула глаза, как бы говоря: «Пожалуйста, не надо».

– Знаю, ты ее не особо любишь.

– Да нет, ничего, валяй. – Ранджу вздохнула: – Надо бы к ней привыкать, наверное.

Кади предпочитала общество Ранджу и не хотела ее раздражать, но было в Андреа нечто, задевающее струны ее души. Она зашарила рукой в сумке в поисках телефона, как вдруг ощутила вибрацию в кармане пальто. На экране светился звонок от абонента «Дом».

– О, погоди секунду, – произнесла Кади, прежде чем ответить. – Привет, пап, я сейчас на обед...

– Это мама, милая.

– Ой. О, привет.

Кади застыла. С тех пор как она переехала в кампус, мать звонила впервые. Каждую ночь Кади ложилась спать, надеясь на ее звонок, но его все не было. В тот же миг на нее обрушился вес того, как же она скучала, – и ужас, что она облагается.

– Как ты? Я не вовремя?

– Нет, я... – Она встретила с вопросительным взглядом Ранджу и махнула, чтобы та шла вперед. – Ничего, ничего. Как дела дома?

– Пусто.

Ответ ее тронул.

– Я скучаю...

– Заводишь друзей? – заговорила одновременно с ней мать.

– Мне нравится соседка. Она очень классная, Ранджу, только что были на лекции вместе.

И я встретила хорошего друга Эрика, британца по имени Никос.

– Никос? Не помню такого, но я в последнее время все забываю. Как ты его нашла?

Кади не видела необходимости рассказывать матери о слежке за ним на прослушивании.

– Это он меня нашел. Услышал знакомое имя и подошел представиться.

– Как мило.

Кади расслышала, как мать шмыгнула носом, и у нее оборвалось сердце. Она решила умолчать и про знакомство с профессором Прокоп.

– Все в порядке, мам. Приятно встретить людей, которые его знали. Это как поддержка.

Здесь лучше, чем ты думала.

Что пока не было совсем правдой, но Кади в этом нуждалась.

– Хорошо. – Мать, казалось, взяла себя в руки. – И как твое психическое состояние?

– В смысле? – Кади напряглась, чувствуя, в какое русло сворачивает разговор. – Мам, испытывать тревогу, когда ты первый раз в университете, это нормально.

– Я понимаю, первый переезд в студгородок – колоссальное дело для кого угодно, при любых обстоятельствах. А у тебя обстоятельства особые. Ты сейчас ранима.

– Мы все ранимы, мы все скорбим. Не чувствовать себя полностью нормально – это нормально!

– Кади, у тебя был сильный приступ...

– Один раз! – парировала Кади. – И так вышло случайно, то есть... день был очень насыщенный. И я извинилась.

– Я тебя не виню и, честно говоря, жалею, что мы так мало поддерживали тебя этим летом. Боюсь, ты так и не смогла пережить...

– Я живу с этим каждый день! Да, ужасно, да, тяжело, но я по крайней мере пытаюсь. Хожу на учебу, занимаюсь своей жизнью, двигаюсь дальше. Что я еще могу?

– Но Гарвард? Я все равно считаю, что это для тебя перебор.

Слова матери задели за живое. В глубине души Кади не верила, что мать вообще задумывалась, что она способна поступить в такой университет, даже когда ее брат был жив. Мать считала сына гением, а дочь – труженицей. И сомнения матери выводили Кади из равновесия еще сильнее потому, что зачастую она сама их разделяла.

– Я справлюсь. Сегодня я отлично справилась с прослушиванием в хор, завела друга, а семинарский профессор сказал, что никогда не забудет мое имя. Так что вообще-то у меня все прекрасно.

– Хорошо. Я правда рада это слышать, поэтому и позвонила.

Кади старалась не выдать себя слезами.

– Просто пообещай мне кое-что, – добавила мать. – Не сиди там, чтобы что-то мне доказать. Если ты несчастна или, господи упаси, случится новый приступ, возвращайся домой. Я на твоей стороне.

– Мне так не кажется.

– Ну, я над этим поработаю. Но ты пообещаешь?

– Ладно, да, обещаю. Мне пора, люблю тебя, пока.

Кади сбросила звонок и задумалась, придется ли ей лгать матери еще четыре года.

Глава 7

Кади ненавидела, когда мать ссылалась на ее «приступ» – то, как она себя повела на церемонии развеивания праха Эрика. Ей казалось, будто мать тычет ее носом, хотя, возможно, ее просто-напросто с головой окунало в стыд, который она сама в тот день испытала.

Для церемонии родители выбрали озеро Валленпаупак, потому что, пока Эрик и Кади были маленькие, каждое лето арендовали там домик. Все в семье согласилось, что этого хотел бы сам Эрик. Кади понятия не имела, что он бы хотел. Она до сих пор не могла представить, что он хотел умереть.

Кади не выпускала Эрика из рук всю трехчасовую дорогу к озеру. В деревянной урне, сундучке из гладкого ореха, который она крепко сжимала, но держала на некотором расстоянии от тела, скорее на коленях. Кади вся изнервничалась, и ее укачивало. Она пыталась смотреть в окно, однако взгляд упрямо падал на сундучок.

Их машина возглавляла караван близких родственников: сразу за ними двигался «Сааб» с дедулей, отцом матери, и его второй женой, Виви; замыкали тетушка Лора и дядя Пит в своем фургоне. Отец Кади вел внедорожник, мать ехала на пассажирском, а рядом с Кади сидела бабушка Глория, или просто бабуля, мать отца, ей было восемьдесят семь, и она слабо слышала. Старость сделала ее маленькой и хрупкой, ремень безопасности задевал ей скулу. Бабуля вообще не хотела его застегивать, но отец Кади настоял. И теперь она сидела тихая и неподвижная – разве что временами оттягивала ремень от высокой тонкой шеи дрожащей рукой, а он упрямо подползал обратно.

Кади ощутила укол боли, думая о том, сколько еще бабуле суждено прожить. Та сидела рядом, и единственным раздражителем, на который она реагировала, был досаждающий ей нейлоновый ремень. В остальном ее тело съеживалось, истончалось, искривлялось, исчезало прямо у них на глазах. Ее жизненная сила была угасающим угольком, но в пепел превратился Эрик.

– Как там дела? – поинтересовалась с переднего сиденья мать.

– Порядок, – машинально отозвалась Кади.

Бабуля не расслышала вопрос, но повернулась, стоило внучке заговорить, и с улыбкой коснулась ее запястья. Пальцы у бабули были узловатыми от артрита, а кожа на руках – тонкой и сухой, но жест оказался теплым, обнадеживающим, и Кади в этом нуждалась – про порядок она соврала.

Сельская местность Пенсильвании выглядела статичной, словно в этом пейзаже единственным движущимся объектом была их машина. Коровы мирно паслись, взмахивая хвостами, чтобы отпугнуть мух. Телята дремали, лежа в траве у ног матерей. Столбики бревенчатой изгороди мерно сменялись друг другом, словно что-то отсчитывали. Кади заметила на перекладине двух грифов-индеек: один сидел клювом к дороге, другой затылком, втянув лысую красную голову в черное тело. Когда внедорожник проезжал мимо, бусинки глаз птицы устремились прямо на Кади, словно гриф знал, что машина везет смерть. Кади сжалась. Она знала, это глупо, но случившееся показалось ей дурным знаком. В ретроспективе так и вышло.

– Правильно получилось.

– Говорил же, что помню короткий путь, – произнес отец.

– Нет, я про то, что мы сегодня делаем для Эрика. Наше решение так поступить с ним, для него. А озеро так много для нас всех значит, и это... это правильно.

Кади не была уверена, намекала ли мать таким образом, что простила поспешный выбор отца, или насильно заставила себя думать, что решение кремировать Эрика они приняли сообща.

– Согласен, – сказал отец.

– Что-что-о? – протянула бабуля.

– Я говорила, – повысила голос мать, – что мне полегчало... я смирилась с нашим решением.

Бабуля повернулась к Кади и медленно моргнула:

– Ничего не слышу, о чем она?

– Глория, наше РЕШЕНИЕ, – снова повысила голос мать, – про Эрика, что сделать с его... развеять... – Голос сорвался. – Черт побери, что ж она тот гребаный слуховой аппарат-то не носит!

– Карен, держи себя в руках! – рявкнул отец.

– Я пытаюсь! – заорала в ответ мать.

– Она пожилая женщина и... Черт!

Машина резко вильнула вправо, раздался визг тормозов, легкий глухой удар и треск гравия обочины под колесами, а потом все вдруг остановилось. И воцарилась гробовая тишина – все пытались отдышаться.

Затем оба родителя повернулись к заднему сиденью и одновременно заговорили.

– Мама, ты в порядке? – спросил отец бабулю.

– Кади, у тебя же урна, она ведь не упала, да? – уставилась на нее мать широко распахнутыми глазами. – Ох, слава богу.

Во время заноса Кади неосознанно прижала урну к животу.

Бабуля выглядела скорее сварливой, чем напуганной.

– Я в порядке, но этот проклятый ремень...

– Знаешь что, мама? Я вот сейчас очень рад, что мы тебя все же пристегнули.

Отец отстегнул свой ремень и, выбравшись наружу, хлопнул дверью. Кади думала, что он хочет проверить бабулю, но отец пошел прочь от машины.

Мать фыркнула:

– И куда это он собрался?

Кади обернулась и вытянула шею, пытаясь рассмотреть. «Сааб» дедули притормозил рядом, за ним остановился фургон Лоры и Пита, однако отец не собирался с ними заговаривать. Он стоял посреди дороги, между следами шин, и на что-то смотрел.

Кади осторожно опустила урну на сиденье, выбралась из машины и трусцой побежала к отцу. Замедлила ход, заметив, как он расстроен – лицо побагровело, глаза блестят.

– Пап, что там? Ты что-то сбил?

Отец не ответил, даже не поднял взгляд, только желваки заиграли от того, как он сжимал и разжимал челюсти. С кончика носа сорвалась слеза – и упала рядом с тельцем серой белки.

У Кади оборвалось сердце, но она скрыла тревогу.

– Ох, ты же не специально, ты пытался объехать.

Картина оказалась не такой уж страшной, и Кади вздохнула с облегчением. Белка лежала на боку, совершенно целая; шикарный мех хвоста подрагивал на легком ветру, черные глазки были открыты, но в том, что зверек погиб, сомневаться не приходилось.

«Погиб при ударе», – отдались в голове эхом знакомые слова.

Отец шмыгнул носом:

– Поверить не могу, что я ее убил.

Кади осторожно коснулась его плеча, тронутая, но удивленная слезами отца. Он не плакал с тех пор, как умер Эрик, по крайней мере на людях, даже на похоронах. Эмоции, которые он сдерживал, обычно прорывались наружу гневом, а потому Кади расценила происходящее как прогресс.

– У вас все в норме? – крикнул из окна своей машины дедуля.

Кади махнула в ответ и повернулась обратно к отцу:

– Пап, ничего страшного. Я уверена, она даже ничего не почувствовала.

Когда Кади вернулась на заднее сиденье, бабуля, все еще безжалостно прикованная к месту ремнем безопасности, разволновалась:

– Никто не говорит мне, чтостряслось!

– Дорогу перебежала белка. Папа вильнул, чтобы ее объехать, и мы просто хотели проверить, все ли хорошо.

– Он ее сбил? – Брови бабули выпрыгнули из-за очков.

– Нет. – Кади накрыла бабулину ладонь своей. – Убежала.

Бабуля выдохнула и улыбнулась:

– О, ну ладушки.

Кади выглянула в окно и задумалась, ощутил ли что-нибудь Эрик.

Под шинами затрещали камешки, машина притормозила на небольшой парковке на северном берегу озера Валленпаупак. Семья Кади заранее обсудила детали церемонии со зрителями парка и получила единственное условие: «развеивание должно проходить вдали от открытых мест, таких как дороги, тропинки, стоянки и так далее», иными словами, «никого не переполошите». Единственное же, что имело значение для Арчеров, – это провести все в воде. Так что они выбрали длинный причал, который редко использовался с тех пор, как основное место отдыха переехало на противоположную сторону озера много лет назад. Этот же берег зарос так, что осталась лишь узкая полоса каменистой суши и полянка вокруг причала. Оттуда, где они оставили машину, Кади едва различала их сквозь кусты.

Мать забрала у нее урну и отправилась первой. Дедуля помогал Виви в резиновых сапожках на каблуке преодолеть отрезок неровной почвы. Следом двинулся отец Кади, одной рукой он поддерживал бабулю, другой нес сложенное кресло Лоры, которую держал на руках, словно невесту, Пит. Кади некому было помогать, некого нести.

Как только они добрались до поляны, перед ними, словно чистая простынь на постели, раскинулось озеро; его поверхность шла легкой рябью волн. Кади вспомнила яркие летние деньки, когда голубое небо, клочки одиноких облачков и далекая граница леса отражались в глади воды, призрачно колеблясь, но сегодня все было иначе. Солнце скрылось за плотным саваном туч цвета серой акварели, полностью затянувшем горизонт. Поросшие деревьями темные холмы вздымались из дымки, словно бестелесные духи. Длинный узкий причал казался сходом в реку Стикс.

Кади на ум вдруг пришла старая походная байка, которую ей рассказали каким-то летом. Озеро Валленпаупак раньше было городком, который назывался Вилсонвиль, но потом некая электроэнергетическая компания скупила всю землю и намеренно ее затопила. Теперь воды мутные, темные, но говорят, что в первое время под ними было видно весь город, и по сей день, во время особенно засушливого лета, можно заметить, как из-под поверхности, пробиваясь наружу, поблескивает шпиль церкви, хотя Кади никогда его не замечала. Часть, которая пугала маленькую Кади больше всего, касалась старого вилсонвильского кладбища. Прежде чем его затопить, останки выкопали и перезахоронили на возвышенности, однако их оказалось гораздо больше, чем ожидалось, и многие принадлежали детям. Легенда гласила, что, если проплыть над могилами, призраки ухватят за ноги и утянут на дно. Хорошая страшилка, ведь никто не знал, где это кладбище, оно могло быть везде и всюду, а в озере вечно что-то да коснется ступни. Чаще всего это Эрик пытался ее напугать. Всегда срабатывало.

Семья собралась у ближнего края причала, единственного достаточно широкого места на нем. Кади держалась позади, ежась от прохладного ветерка.

Первой заговорила тетушка Лора:

– Итак. – Она глубоко вздохнула. – Эндрю и Карен попросили меня провести церемонию этим печальным-печальным днем. Мы втроем долго обсуждали его цель и надеемся, что он позволит всем нам проститься и, как хотелось бы, поможет отчасти примириться с трагедией.

Мы будем прощаться по очереди. Здесь нет верного или неверного способа. Если захочется что-то сказать или поделиться воспоминанием, то, разумеется, мы только рады. Но если нужна минутка тишины наедине с Эриком, своими мыслями, молитвами, пожалуйста, не стесняйтесь и просто... разожмите руку. Нет правильного или неправильного способа попрощаться. Просто дайте волю сердцу. Кто хочет начать?

– Я начну, – отозвался, к удивлению Кади, ее отец; он забрал из рук жены урну и опустил взгляд, раздувая ноздри, словно бык. – Этого не должно было случиться. Не уверен, что когда-либо пойму, как так вышло. Я знаю, мы души в нем не чаяли, и мы бы поддержали его в чем угодно. Знаю, что мы помогли бы ему справиться, будь у нас больше времени. Он должен быть тут.

Отец потерял глаза, а когда снова их открыл, они были полны слез, искренних и незащищенных, злость, которая помогала ему держаться, рассеялась. Когда отец продолжил, его голос надломился, надламывая вместе с собой и сердце Кади:

– Однако он был болен. И эта болезнь – не мой сын. Я запомню его потрясающим мальчиком, любившим чтение, природу, это озеро и холмы, радовавшим свою семью, моим другом. И всегда буду скорбеть о блестящем будущем, которое он и мы вместе с ним утратили навсегда.

Бабуля коснулась его предплечья. Он крепко прижал ее к себе. Мать Кади тоже притянула его и дочь в объятия. Он поцеловал Кади в лоб, затем высвободился и один ушел на край причала. Стоя к ним спиной, отец набрал горсть пепла и позволил единственному сыну утечь сквозь пальцы в воду.

Отец вернулся, и так как мать Кади плакала, следующей слово взяла тетюшка Лора:

– Я помню день, когда Эрик родился. – К ее глазам подступили слезы. – Он был таким красивым. Совершенный и розовенький. Эрик наполнил мое сердце счастьем, какое приносит ребенок. – Лора перевела взгляд на Кади: – И ты. Благодаря вам обоим я никогда не жалела, что у меня нет своих детей. И я была так горда и счастлива, что Эрик – часть нашей семьи. Мои чувства до сих пор не изменились.

Пит кашлянул, пряча слезы, и грубо потерял глаза, прежде чем добавить:

– Было честью видеть, как ты растешь, паренек. Люблю тебя, мне повезло с тобой познакомиться.

– Нам всем повезло. Мы будем скучать, Эрик.

Лора хлопнула Пита по руке, и он прокатил ее кресло к краю причала. Они обнялись, произнесли что-то, но Кади не расслышала. Они всегда друг друга поддерживали. Нужен всего один человек, думала Кади. Ее одним был Эрик. Поддерживала ли она его?

– Мам, – срывающимся голосом позвал отец. – Скажешь что-нибудь?

На лице бабули, в каждой морщине, застыла печаль. Ее блекло-голубые глаза смотрели вдали, искали что-то. Бабуля стиснула руку сына и потрясла головой:

– Это неправильно. Он был хорошим мальчиком!

Ее рот остался приоткрыт, давая разглядеть тяжело ворочающийся от горя язык, – в этот момент Кади увидела искру того же гнева, что вспыхивал в последнее время у отца. Но ее энергия так же быстро иссякла, лицо обрело более привычное смиренное выражение, мягкое, грустное. Бабуля снова заговорила:

– Я стара. Почему я не прах, а ладонь, его держащая, я не знаю. Я поменялась бы с ним местами, будь это возможно. Но пути Господни неисповедимы, и Он всех нас любит. Надеюсь, это дитя обретет покой с Ним рядом.

– Готова? – спустя мгновение спросил отец.

Бабуля кивнула, и он с урной в руках помог ей пройти по причалу. Она держалась на ногах с большим трудом, чем обычно, поэтому они не стали отходить так далеко, как остальные, всего футов на пятнадцать, к стороне по ветру. Кади видела, как бабуля запустила дрожащую руку в урну, расслышала ее слова:

– И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его². Скоро увидимся, милое дитя.

Кади моргнула и вдруг поняла, что все взгляды с ожиданием устремились на нее. Настал ее черед.

– Я не знаю, что делать, – пробормотала она, чувствуя, как губы прилипают к зубам.

Семейство сочувственно закивало, хотя Кади говорила отнюдь не в переносном смысле. Ее охватывала паника, взгляд метался от лица к лицу в поисках подсказки.

– Не обязательно что-то говорить, милая, – произнесла тетушка Лора. – Не спеши, дай себе попроситься.

Кади неохотно взяла ящик со своим братом, каждым шагом по причалу ее страх усиливался. Дойдя до самого края, Кади опустилась на колени, поставила урну рядом с собой. Среди деревянных завитков была вырезана маленькая замочная скважина, в ней торчал крошечный золотистый ключик, подвязанный алыми шелковыми шнурочками. Кади провернула его дрожащей рукой.

Внутри лежал серый песок. С гулко бьющимся сердцем Кади выискивала в нем взглядом хоть что-нибудь узнаваемое – зуб, костяшку пальца. Любопытный признак человечности Эрика, пусть жуткий, утешил бы ее, однако она ничего не нашла. Лишь груды крупиц, иногда размером с кусочек гравия, иногда с зернышко песка, но все серые, мертвые. Когда Кади впервые коснулась растертых в порошок костей, то невольно отдернула ладонь – указательный и средний пальцы остались покрыты пеплом, словно стали такими же безжизненными. Кади попыталась снова, и на этот раз руку затянуло вглубь, будто в зыбучий песок, как если бы кости обладали некой силой.

Зрение затуманилось плотной пеленой воспоминаний. Образы брата в разном возрасте и состоянии поочередно мелькали, образы, которые Кади видела тысячу раз и которые могла только вообразить: его профиль, когда еще подростком он ее куда-то отвозил; как еще маленьким он стоял спиной к ней, лицом к озеру, и ветерок шевелил тонкие волоски на его большеватой голове; и выдуманное воспоминание, как он лежал на земле, мертвый, с открытыми глазами, с закрытыми – Кади не знала наверняка, поэтому видела его и так, и так, словно он моргал, глядя на нее. И вот все, чем он стал – прахом в коробке, мелким настолько, что забивался под ногти.

Попроситься. Сюрреализм какой-то. Кади утратила связь с реальностью, когда та стала столь пугающе нереальной. Ее брат, ее ориентир в этом мире, был мертв. И Кади начала воспринимать реальность со слов других. Однако слова людей ее мучили. Все твердили одно и то же, повторяли так часто, что все сливалось в единую неразбериху – какая жалость, такие задатки, мог бы столько, как он это сделал? он был таким умным, прыгнул, мы слышали, и в Гарварде, все обрушилось, вы знали? вся жизнь впереди, чего он мог достичь, погиб при ударе, в начале своей, ужасно, могли бы хоть что-то сделать, блестящее будущее, какая потеря, задатки, утрата... – непрерывное бормотание раз за разом проигрывалось у Кади в голове, поток отупляющих банальностей, что перемежались случайным невинным, небрежным замечанием, от которого у нее разрывалось сердце. Оцепенение и надрыв. Сейчас Кади ощущала и то, и другое.

Она подняла горсть останков брата, излишки просочились сквозь пальцы обратно в урну, невесомые частички костей зашевелили внутреннюю сторону запястья. Затем Кади вытянула руку над водой и замерла. Всю ладонь покрывал пепел, но уже не делал ее безжизненной, а словно она вдыхала в него жизнь, воскрешала брата. Сердце забило до боли часто. Происходящее не походило на прощание, а лишь как попытка избавиться, и Кади не была готова так поступить. Она не хотела его отпускать. Она хотела собрать его заново.

² Екклезиаст 12:7.

Кади стиснула кулак, из него просыпалось немного праха. Она уставилась на воду, проследила, как более тяжелые частички тонут, а пепел кружится на ее отражении, подернутом рябью. Кади поднесла горсть ко рту – наверное, хотела поцеловать на прощание или что-то типа того, она не помнила, потому что, когда поддалась порыву, в ее голове было пусто. Кади помнила лишь то, каким шероховатым оказался прах Эрика, когда она размазывала его по лицу, как он щипал глаза, прилипал к влажным щекам и губам, давая почувствовать вкус, и как она втирала его все сильнее и сильнее, пока прах не въелся в щеки, но ей все не хватало ощущения, что он останется с ней навсегда.

Кади оторвала руки от лица – они были белыми, но пустыми, и страшно дрожали. В ужасе от того, что натворила, она тихо вскрикнула, с дыханием сорвалось еще немного пепла. Кади развернулась к голосам, громко зовущим ее по имени. Сперва она увидела разинутый рот отца, осевшую в его руках бабулю. Тетушка Лора сильно подалась вперед в кресле, а Пит обхватил ее рукой, то ли утешая, то ли удерживая. Но хуже всех выглядела мать – с дикими глазами, с ощерившимся в гримасе ужаса ртом, с вытянутыми вперед руками. А потом они все ринулись к Кади, перепуганные и пугающие одновременно.

Ее охватила паника. Кади не думала. Она, развернувшись, бросилась в воду.

Глава 8

Обед с Ранджу Кади пропустила и, усаживаясь в следующей аудитории в ожидании начала лекции небольшого курса «Средневековое творческое мышление» от кафедры истории, ощутила, как забурчало в желудке. Материал для прочтения оказался невероятно сложным – библейские апокрифы, писания Августина и другие мудреные тексты, – однако Кади поставила перед собой задачу успевать с заданиями, в основном потому, насколько ей нравился профессор Уоткинс. Он был дружелюбным и чудным пятидесяти-с-хвостом-летним англичанином с длинными волосами и сережкой в ухе, эдаким хиппи-спецом по Средним векам. Совсем не похожим на профессора Хайнса. Когда на эту лекцию вошла опоздавшая студентка, он просто отмахнулся:

– Ничего страшного, дорогая. Не мне вас винить, раз уж я сам малость припозднился, как подтвердят все эти более пунктуальные студенты. Поэтому я говорю – *O Tosco, ch'al collegio de G'irocriti tristi se' venuto*. Перевод: «Тосканец, здесь, среди совета унылых лицемеров»³. Я же, однако, оказаться в их числе не стремлюсь. Кто-нибудь знает, откуда цитата?

На передних рядах кто-то даже поднял руку. Кади вытянула шею, чтобы разглядеть, кто же такой знаток. Профессор Уоткинс кивнул девушку с розовыми на концах волосами, и та ответила:

– «Ад» Данте.

– Верно! А на дополнительный балл: какая песнь?

Девушка задумалась.

– Пятая?

– Двадцать третья. Но очень хорошо. Вскоре все мы познакомимся с Данте столь же хорошо, как...

– Джессика, – подсказала девушка.

– ...как наша Джессика, но позже. А сегодня мы изучим «Страсти святой Перпетуи», один из важнейших, пусть и малоизвестных, текстов раннего христианства. Текст примечателен потому, что был написан, по крайней мере частью – до-мученической частью, – самой Перпетуей. В истории около двухсотого года нашей эры сохранилось крайне мало женских голосов, и мне думается, ее вы найдете одним из наиболее убедительных...

Кади устало вздохнула. Она знала, что ей придется работать упорнее, чтобы угнаться за однокурсниками, но тот, кто способен мгновенно узнать случайную цитату – да еще и на итальянском, – стоит на ступень выше. Кади уныло откинулась на спинку стула.

– *Не стоит слишком впечатляться*, – прошептал голос у ее уха.

Она глянула через плечо на парту сзади, за которой сидел, растекшись по стулу, парень; вряд ли это он заговорил. Кади осмотрелась. Девушка рядом с ней прилежно конспектировала лекцию в блокноте, парень слева украдкой настукивал сообщения в телефоне, который держал у коленей. Откуда звучал голос?..

– *Ты и так знаешь*.

Внутри вскипела тревога – неужели Кади одна его слышит?

– *Ты знаешь, как она процитировала «Ад», сама же упомянула подсказку. Все просто*.

Она чуть не подскочила на месте, чуть из собственной шкуры не выскочила, но привлечь внимание к происходящему с ней было ни к чему. А что вообще с ней происходит? Она говорила сама с собой? Но голос был мужским. И он не умолкал.

– *Цитата на итальянском. А сколько у вас в программе книг на итальянском? Проверь*.

³ Пер. М. Лозинского.

Кади послушно вытащила лист из-под тетради. Единственным текстом с итальянским названием оказался «Ад». Голос определенно разговаривал именно с ней.

И он был прав.

– Сказал же. Она правильно предположила, что профессор сошлется на что-нибудь из курса. Готов спорить, она и слова из *La Divina Comedia*⁴ не читала. Любой хоть отдаленно знакомый с Данте прекрасно понимает, что грех уроня лицемерия появится куда позже пятой песни. И между тем песня пятая – это Паоло и Франческа, это все знают.

Кади не знала.

– Серьезно?

Она расслышала сдавленный смешок.

– Ты поймешь, что многие здесь скорее талантливо кажутся умными, чем на самом деле таковыми являются. По большей части они дурачье.

Кади запустила пальцы в волосы, потом крепко зажала уши, чтобы остановить этот голос.

– Не расстраивайся. Я не имел в виду тебя. Неужто так прозвучало? Прости.

«Почему это происходит? – подумала Кади. – Прекрати».

– Извини, я пойду.

– Сегодня мы назвали бы их галлюцинациями, – произнес профессор Уоткинс, и Кади на мгновение посчитала, что он отвечает именно ей. – Однако в те времена при определенных обстоятельствах «духовному видению» действительно доверяли. Когда Перпетуя осталась в тюрьме дожидаться неминуемой казни, понимая, что вскоре станет христианской мученицей или игрушкой для льва, она была готова обрести подобное видение.

Слуховые галлюцинации. Кади помнила, как мать использовала этот термин после встречи с одним из докторов Эрика в больнице Маклина, психиатрическом заведении при Гарварде, когда ему впервые поставили диагноз шизофрения. Неужели именно это случилось сейчас и с ней?

– Однако Августин подробно описывал процесс «различения», практику распознавания, было ли видение божественной или демонической природы. – Профессор вывел на доске слово «различение», резко постукивая мелом. – Духовное видение во многом зависело от воображения и посему могло быть обмануто, уязвимо для демонов. Или же разум мог быть точкой доступа для божественной ясности, мудрости, даже пророчеств. А посему исключительное значение имела способность распознать разницу. Мы продолжим разговор об этом и о неоплатонистах на следующей неделе. В ходе подготовки к понедельнику, пожалуйста, изучите экзегезу Августина «О книге Бытия буквально», а также его мнение в книге седьмой «Исповеди». Всем спасибо.

Кади было нужно успокоиться – и различить. Не стоит делать поспешных выводов, вероятно, тому, что она услышала, есть вполне разумное объяснение. Она заскучала, задремала. Она не поела или плохо спала, до сих пор переживала после звонка мамы. Кади записала задание как самый обычный студент, но пока собиралась, ее руки дрожали.

В голове крутился вопрос, пугающий ее куда сильнее самого голоса: неужели так все и начиналось у Эрика?

⁴ Божественная комедия (ит.).

Глава 9

Кади не сумела добраться до комнаты. Она обнаружила тихий уголок в Ламонте, запустила ноутбук и открыла почту. Кади нужно было изучить все о жизни Эрика в Гарварде в его последний год. Дома она выяснила лишь то, что брат был поглощен проектом на премию Бауэра, а когда вдруг отказался его подавать – это оказался первый признак, что дело обстояло хуже, куда хуже, чем подозревала семья. Но Кади не знала даже тему проекта, что уж говорить о причинах, почему Эрик его бросил. Был ли это действительно первый звоночек, что болезнь берет верх, или он просто стал первым достаточно громким, чтобы услышали дома? Столько пробелов необходимо заполнить; Кади вдруг потрясла собственная неосведомленность – вопиющая, даже опасная. Вся ее жизнь строилась на вопросе «стану ли я когда-нибудь так же хороша, как Эрик?». А не «стану ли я когда-нибудь так же больна?».

Кади почему-то никогда не приходило в голову, что она может стать жертвой болезни Эрика. Он всегда был иным, особенным, отмеченным. Логично же, что чудачества гения склонны исказиться, перерасти в психическое заболевание. Себя Кади считала обычной или, по крайней мере, более нормальной, чем Эрик, и ожидала, что это, если верить гауссовой кривой, ее уберезет. Теперь Кади чувствовала себя дурочкой, что никогда даже не задумывалась. Они ведь кровные родственники, у них есть – или были – общие гены. Как гласил ее учебник по психологии, наследуется лишь генотип, а фенотипическое поведение возникает под действием факторов внешней среды. Что ж, теперь Кади поместила себя ровно в ту же среду, где находился Эрик. Что, если мать была права и Кади способна справиться с этим испытанием не лучше брата? Она сохранила все письма Эрика за прошлый год или около в заархивированной папке под названием «Э». Кади создала ее сразу после его смерти, когда не могла заставить себя ни удалить, ни видеть их среди входящих. Она еще ни разу не открывала эту папку. Последняя переписка состоялась двадцать пятого февраля, почти за месяц до смерти брата, и была короткой.

От кого: **Каденс Арчер**

Кому: **Эрик Арчер**

25.02.2019

Приедешь домой на день рождения папы?

Мама хочет забронировать столик.

От кого: **Эрик Арчер**

Кому: **мне**

25.02.2019

нет. не могу.

Кади помнила, как разозлил ее такой короткий ответ – разозлил, но не удивил. К тому времени брат стал очень отстраненным. Она даже не захотела продолжать разговор. Ей вспомнилось облегчение, что брат не явится на ужин в честь дня рождения их отца, за что теперь было стыдно, однако тогда Кади понимала, что без Эрика атмосфера будет более непринужденной. Он стал таким неприятным, его настроение менялось так непредсказуемо. Такое отношение и поведение сердили отца, тот срывался на Эрика, а мать огрызалась на него в защиту сына, и в скором времени любые семейные посиделки превращались в очаг напряженности, если не откровенную ссору. Никто, включая Кади, толком не понимал, насколько Эрик мучился. Если бы она продолжила разговор, подбодрила брата, упростила его, вымолила согласие приехать на тот глупый ужин, то, может, они бы заметили, насколько хуже ему стало. Может, сумели бы что-то сделать.

Кади пробежала взглядом по списку, пропуская большинство писем. Все, начиная с января, были короткими, скупыми. Одна особенно бодрая строка в ее письме из цепочки в начале декабря 2018-го всколыхнула что-то в памяти: «Так когда будем праздновать?!» Несмотря на восклицательные знаки, воспоминание было мрачным, темным, словно грозовая туча, готовая вот-вот разразиться ливнем. Перечитывая свое изначальное письмо, Кади поняла, что ее энтузиазм был поддельным.

Как дела с твоим проектом на Бауэр?? Уже почти закончил? Мы все держим кулачки, но не то чтобы тебе это нужно. От твоей работы все будут в восторге, и в следующем году ты точно победишь. Я уже за тебя рада, вот насколько я уверена. Люблю, К.

Кади на минуту задумалась. Именно этот проект и курировала профессор Прокоп. Премия Бауэра считалась одной из наиболее престижных наград Гарварда, прямым билетом в магистратуру и победным очком в собеседованиях при приеме на работу. Рассматривали работы настолько тщательно, что студенты подавали их весной третьего курса, а результат узнавали только осенью четвертого. Премия стала мечтой Эрика с тех пор, как он впервые ступил на гарвардскую кафедру физики, еще на первом курсе, когда казалось, что ему нужно всего-то немного повзрослеть, и он ее получит. Ко второму курсу ситуация стала совсем неопределенной. И все же, несмотря на ухудшение проблем с психикой, оценки Эрика оставались высокими. Семья надеялась, что, если ему удастся не сорваться, удовлетворение от победы все-таки вытащит его из депрессии, которая грозила поглотить его целиком. В то время они все старались его изо всех сил поддерживать. Кади помнила, как думала, что хуже некуда – это если они его накрутят, а в итоге он не победит. Какой наивной она была.

Ответ Эрика обескураживал как тогда, так и сейчас:

не собираюсь подаваться. работаю над кое-чем
поважнее. не могу тратить время на Бауэр.
расскажу потом, этот ящик ненадежен.

Паранойя. Тогда-то он и перестал пытаться ее скрывать. Он стал подозревать всех вокруг, даже близких друзей и семью. Все время был начеку, боялся любого наблюдения. В тот год он трижды сменил номер телефона. Из семьи от недоверия Эрика больше всего почему-то пострадал отец. Всякий раз, как он покидал комнату, Эрик на несколько минут умолкал – считал, что отец подслушивает за дверью. Всякий раз, как Эрику приходилось встречаться с дисциплинарным или просто обеспокоенным руководством Гарварда, что случалось все чаще, он верил, что их науськал именно отец. Иногда он думал, что мать советовалась с его психиатром с целью выведать его тайны, но тут Кади не могла сказать, что это наверняка неправда.

И душераздирающий контраст – то, как в случае с Кади его паранойя выражалась в заботе о ней. В детстве он никогда не был типичным brutальным старшим братом, который запугивает парней или избивает школьных хулиганов; это Кади чаще всего защищала чудака Эрика. Но когда он заболел, его защитные инстинкты перешли в гиперрежим. Даже когда он был вдали, на учебе, а Кади дома, бывали ночи, когда она обнаруживала на телефоне десятков сообщений и пять пропущенных звонков. Когда Кади спрашивала, почему он так беспокоился, Эрик никогда не объяснял.

Взгляд вернулся к рядам заголовков, пока не обжегся об один, словно о кислоту. Письмо от четвертого января 2019-го, с электронного адреса доктора Марка Роуэна, психиатра, наблюдавшего Эрика; в теме значилось:

Приступ во время каникул, продвижение.

Кади машинально потеряла шею; в ладонь упруго глухо забился пульс. Она три дня набиралась смелости открыть письмо, когда только его получила, и не хотела открывать снова. Больше никогда.

Поэтому не стала и сейчас.

Она пролистала до двенадцатого октября 2016-го, его первого курса, когда Эрик еще был Эриком. А она еще была Кади.

От кого: **Эрик Арчер**

Кому: **мне**

Одна птичка (это мама, не злись) мне напела, что Джастин тебя бросил. Самые простые наблюдения, как правило, являются самыми точными, и в этом случае вполне очевидно, что он кретин. Понимаю, что любовь редко бывает проста, и сей факт наверняка не сильно тебя утешит. Но Джастин – отстой.

От кого: **Каденс Арчер**

Кому: **Эрик**

Спасибо. Люблю тебя.

От кого: **Эрик Арчер**

Кому: **мне**

И я тебя люблю, мелкая. Держись.

Напряжение в груди Кади рассеялось. Вот он – брат, с которым она выросла бок о бок. Брат, которого ей так ужасно не хватало. Брат, которого она хотела помнить.

А иногда – единственный брат, которого она помнила. Разум неохотно возвращался к трудному периоду. Словно мозг разобрал временную ось и спрятал плохие воспоминания, перетасовал, будто фокусник, спрятавший мячик под тремя стаканчиками. Когда речь шла о развитии болезни Эрика, воды ее памяти мутнели от эмоций, и Кади удивлялась, как мало в них сохранилось. Она не могла вспомнить, когда Эрику поставили диагноз или обсуждение первых симптомов, хотя они определенно никогда не говорили в открытую о голосах. Зато помнила, как после диагноза отец сказал: «Все наладится, потому что теперь мы знаем, что это, можем исправить и вернуться к нормальной жизни». Тогда они еще не понимали, что нормальная жизнь осталась далеко позади.

Просматривая переписки, Кади надеялась найти что-нибудь, способное дать ей лазейку во внутренний мир Эрика. Она обнаружила лишь одно письмо, где речь о его болезни шла напрямую. Двадцатого апреля 2018-го Кади ему написала:

От кого: **Каденс Арчер**

Кому: **Эрик**

Знаю, ты в шоке от диагноза, но я думаю, что это хорошо. Если теперь понятно, что с тобой, то тебе назначат лучшее лечение. Совсем скоро ты снова будешь чувствовать себя как раньше. Это всего лишь небольшая преграда на пути...

От кого: **Эрик Арчер**

Кому: **мне**

Я осознаю то, что раньше не замечал. Я просто должен принять, что эти изменения теперь часть меня. Мне нужно приспособиться, научиться с ними жить. Просто тяжело. Скучаю по своим старым мозгам. Теперь они другие, и я другой.

От кого: **Кади**

Кому: **Эрик**

Ты не другой. Ты все еще мой брат. Я тебя знаю. Я тебя люблю. Я не думаю, что ты сумасшедший.

От кого: **Эрик**

Кому: **мне**

Я думаю.

Неужели Кади тоже становилась «другой»?

Она закрыла письмо и архив «Э», вернувшись во входящие. Вверху светилось новое письмо, которое пришло с адреса Prokop@fas.harvard.edu.

Кади его открыла.

Взаимно рада знакомству. Мой график на этой неделе весьма загружен, но, может, в следующий четверг. Либо же я буду выступать на коллоквиуме по космологии в эту пятницу в два, Научный центр, Лекционная В. Приглашаю его посетить, если тема вас интересует, обсуждение обещает быть любопытным, и после у меня должно быть немного времени на беседу. Мы еще сделаем из вас студента физики!

– Ну здравствуй.

Этот голос и акцент Кади узнала.

– Никос, привет. – Она быстро захлопнула ноутбук.

На Никосе была свежая белая рубашка, заправленная в темные джинсы и блейзер в ломаную клетку. На большинстве представителей их возраста такой наряд показался бы чопорным или показушным, однако Никос держался с такой уверенностью, что выходило, будто так и надо.

– Как дела?

– Все хорошо, благодарю.

Кади постеснялась ответить как-то проще, вдруг смутившись из-за его акцента.

– Над чем трудишься?

– Да так. А слушай, вообще есть кое-что, с чем пригодилась бы твоя помощь. – Кади вытащила из сумки синюю тетрадь. – Нашла старые записи Эрика, но ничего не понимаю. Похоже на частично конспекты, математику, для которой я слишком тупенькая, личный календарь и еще не знаю что. Можешь сказать, что это?

– Конечно. Давай-ка посмотрим. – Кади отдала ему тетрадь, и Никос принялся медленно листать страницы. – Первая половина – определенно конспекты по физике, узнаю курс, мы его вместе проходили в осеннем семестре. Потом как будто результаты эксперимента, наверное лабуха. Но ближе к концу... – Никос покачал головой и вернул тетрадь. – Куча букв, но не переменные в уравнениях или что-то вроде, а бессмыслица. Наверное, из той поры, когда он был болен. Прости.

Кади кивнула:

– Спасибо, я так и думала.

– Тебе спасибо. Эрик всегда был таким чудным с этими записями, все у него за семью печатями. Я их как-то взял по приколу, так он меня, думал, убьет. И мне всегда хотелось одним глазом посмотреть.

Кади улыбнулась, но услышанное заставило ее тотчас пожалеть, что она ему показала. Следующий вопрос она задала, прижимая тетрадь к груди:

– Он часто писал букву «М» рядом с временем, на планы похоже. Ты знаешь, кто это мог быть?

– Наверное, Мэтт Чо, его сосед.

Конечно же, подумала Кади, как она умудрилась позабыть Мэтта Чо? Ну, вероятно, потому что не видела его уже несколько лет, с тех пор как они помогли Эрику въехать в комнату общежития. Несмотря на дружбу и соседство на протяжении всех трех курсов, Мэтт не приехал на похороны. Кади приглашала его по электронной почте, ее родители предлагали оплатить ему перелет и прочее, но Мэтт даже не ответил. В день службы они все были слишком убиты горем, чтобы обратить внимание на его отсутствие, однако то, что он так и не ответил на ее письмо, Кади задело. Может, поэтому она и вычеркнула его из памяти.

– Прости, что не удалось просветить побольше. Могу я еще с чем-нибудь помочь?

Кади в голову вдруг пришла иная мысль:

– Знаешь, что мне нужно для лекции? Экземпляр «Ада» Данте.

– Моя благословенная Беатриче, сие обнаружить должно быть легко. – Никос застучал по клавиатуре компьютера и быстро нашел шифр книги. – Ага. Уайденер. Пойдем.

Кади немного беспокоило, что она включила чужого человека в исследование собственного психического состояния, но заключила, что услышанный голос – не единственная причина искать «Ад»; книга рано или поздно все равно понадобится ей на истории Средневековья. Вдобавок в обществе Никоса она чувствовала себя спокойнее.

Они взобрались по величественным мраморным ступеням Уайденера. Пусть стояла еще только осень, но уже похолодало, а на ветру – уж тем более. На ступенях им встретилось не так уж много людей. Парочка влюбленных сидела, прижавшись друг к другу, и потягивала кофе из одинаковых стаканчиков, девочка-азиатка позировала и улыбалась родителям, которые делали фото, симпатичный парень увлеченно читал толстенный роман в надежде, что кто-то заметит эту его увлеченность. Добравшись до верха, они прошли между огромными колоннами, и Никос придержал для Кади тяжелую дверь.

В маленьком перешейке перед главным вестибюлем Кади вдруг остановилась. На каждой стене висело по большой дощечке из белого мрамора. На левой значилось:

ГАРРИ ЭЛКИНС УАЙДЕНЕР
ВЫПУСКНИК
ЭТОГО УНИВЕРСИТЕТА
РОДИЛСЯ 3 ЯНВАРЯ 1885
ПОГИБ В МОРЕ 15 АПРЕЛЯ 1912
ПРИ КРУШЕНИИ
ПАРОХОДА
«ТИТАНИК»

И справа:

ЭТА БИБЛИОТЕКА
ВОЗВЕДЕНА
В ПАМЯТЬ
О ГАРРИ ЭЛКИНСЕ УАЙДЕНЕРЕ
ЕГО МАТЕРЬЮ
ЭЛЕАНОР ЭЛКИНС УАЙДЕНЕР
24 ИЮНЯ 1915

– Прости, думал, ты знаешь предысторию, – произнес Никос рядом с Кади.

– Знаю. – После фильма у Кади случился небольшой период помешательства на истории «Титаника», так что она знала все о Уайденере-человеке, но не о первопричине создания библиотеки его имени. – Наверное, мне всегда казалось, что он пожертвовал Гарварду денег при жизни или в завещании, например. Я не думала, что это сделала его мать.

– Да, мемориал недешевый. Интересно, не терзала ли мамочку какая вина. Я вот пересек океан, чтобы убраться от своей, но мне повезло: до той стороны добрался.

Кади с горечью вспомнила слова собственной матери: «Это его могила».

Они миновали турникеты к короткой, но роскошной лестнице прохладного белого мрамора, чьи латунные поручни отражались в гладких, поблескивающих стенах по обе стороны. Площадка наверху походила на часть римского дворца. Центральный проход, обрамленный высокими колоннами и парой огромных сводчатых фресок, и все это из того же неземного белого мрамора, окутанного прохладными лучами, что лились сквозь стеклянный купол крыши. В проходе виднелось теплое свечение великолепного золотого канделябра. Кади шагнула к лестнице, охваченная благоговением.

– Не-а, – заметил Никос.

– Но... – начала было Кади, не в силах скрыть разочарование.

– Знаю, красиво, но хранилище – туда. Пойдем. Зови меня Вергилием.

Никос легко поклонился, взмахнув рукой, и повел Кади в нужную сторону. Та неохотно последовала.

– К сожалению, – добавил Никос, – там, куда мы прибываем, ничего не сверкает.

Они резко свернули налево, обходя лестницу, и Кади вдруг очутилась в более темном и простом помещении с компьютерными экранами у стены и главной информационной стойкой. Никос провел Кади мимо плачущих, шаркающих, топчущихся людей, получающих книги, в помещение еще теснее, с лифтом и металлической дверью, как при входе в спортзал напротив него. У третьей стены располагался небольшой стол с копиями карт, листочками для заметок и крошечными карандашиками. Никос глянул на убористую карту библиотеки, которая для Кади выглядела совершенно непостижимой, потом толкнул дверь.

Та привела их к бетонной лестнице с люминесцентными лампами на стенах. Кади последовала за Никосом на полтора пролета вниз, где он толкнул следующую дверь. Когда та с щелчком за ними закрылась, Кади сообразила, что они наконец добрались до «хранилища». Перед ними тянулись бесконечные ряды серовато-коричневых металлических книжных полок и узких проходов. И ни души, только затхлый воздух и мрак.

– А почему так темно? – прошептала Кади.

– Зацени, – шепнул в ответ Никос. Он сделал огромный шаг вперед, вскинул руки и крикнул: – Да будет свет!

В следующий миг люминесцентные лампы над ним вспыхнули с громким отчетливым щелчком. Одна зашипела, мерцая. Никос оглянулся через плечо, усмехаясь. Кади нервно рассмеелась.

– Они на датчиках движения, – пояснил Никос. – Нет смысла все время освещать этот склеп. Пойдем, нам сюда.

Когда они проходили мимо каждого ряда, лампы вокруг них загорались – щелк-щелк-щелк – с гудением электричества и потрескиванием от возраста. Кади это напомнило, как доктор Франкенштейн по очереди тянул рычаги своей машины, оживляя лампами труп.

– Как-то здесь жутковато, – заметила Кади. – Где все?

– По хранилищу можно бродить чертовски долго и не встретить ни единой души. Но это в основном потому, что гарвардские студенты чем угодно будут в библиотеке заниматься, только не исследованием. Кстати говоря... – Никос остановился и развернулся к Кади: – Ты слышала про традицию хранилища? – вскинул он темную бровь.

Кади покачала головой.

– Есть определенные вещи, которые каждый здешний студент должен сделать до выпуска. Первая – помочиться на ногу статуи Джона Гарварда, ту самую, которую на удачу трут все туристы, бедолаги.

– Фу.

– Да, не совсем для девочек пунктик. Вторая – первобытный крик. Это когда в ночь перед последней сессией, посреди зимы, ты раздеваешься догола и с безумными воплями носишься по Гарвард-ярд. Все ничего, вот только девочки и тут неохотно участвуют, так что выходит просто куча-мала из мужиков, чьи шишки крутятся как вертушки. Мужчину сие действо совсем не красит. Я это на собственной шкуре узнал. – Никос застенчиво надул губы, отчего Кади захихикала. – И третья... О, третья наилучшая. Это заняться сексом в хранилище Уайденера.

Кади вымучила только «хм».

Никос продолжал смотреть ей в глаза.

– Пытаешься угадать, отметился ли я и тут?

К щекам Кади прилил жар.

– Нет.

– Пока не отметился. Берегу себя для той самой, так что нечего тут меня голодным взглядом сверлить.

Кади рассмеялась:

– Ты кошмарен.

– Лесть не поможет. Мы здесь по делу, и я весь сосредоточен на твоей учебе.

Никос снова зашагал вперед. Они остановились у стеллажа, отмеченного нужной комбинацией букв, чисел и дробей, и Никос присел на корточки, просматривая корешки.

– А вот и оно. «Ад»! – провозгласил он. – За авторством Данте Алигьери. Перевод Киркпатрика – он, кстати, неплох. Ты уже читала «Ад»?

– Нет, к своему стыду, никогда даже не открывала.

– А, ну тебе понравится. Мы его проходили в Итоне, и помню, мне особенно понравилось, что льстецы должны лежать в реке дерьма. Не скажу, на каком круге или в какой песни это было, но...

Кади не слушала. Он подал ей идею.

– Никос, – вдруг произнесла она.

– Каденс, – отозвался тот, подражая ее серьезному тону. – Да, что такое?

– Прости, не мог бы ты проверить, о чем песнь пятая?

Никос проверил оглавление и пролистал до нужной страницы. Внезапно нетерпеливая, Кади едва сдержала желание выхватить книгу у него из рук.

– Песнь пятая – это... – Никос цокнул языком, просматривая текст. – Паоло и Франческа.

По спине Кади расползся холодок, от позвонка к позвонку. Она снова услышала свой голос: «Никогда даже не открывала».

Глава 10

Закрыв за собой дверь и услышав шелчок замка, Кади испытала облегчение. Комната общежития не то чтобы казалась ей домом – пока быть снаружи не становилось слишком страшно. Кади глубоко вздохнула, втягивая знакомый запах приготовленного в микроволновке попкорна, которым Андреа предпочитала заправляться во время учебы. Кади взяла из мини-холодильника банку газировки, дрожащей рукой подцепила язычок и открыла. Сама виновата, подумала она, позволила тревогам выйти из-под контроля. Сперва звонок матери вызывал волну тревожных воспоминаний, потом она сама усугубила, когда полезла в письма Эрика, вот и перенапряглась. Может, примерещившийся во время лекции по Средним векам голос – это просто странный защитный механизм, разум сам выдумал себе игру, чтобы отвлечься. Он казался настолько переполнен, что Кади ни о чем не могла подумать, чтобы не споткнуться о новый страх или старое воспоминание. Ей была нужна перезагрузка. Кади пошла в спальню и переоделась, набросила халат, взяла полотенце, сумочку с принадлежностями и направилась в душ, хорошенечко отмокнуть.

Женская уборная представляла собой ряд из четырех туалетных кабинок напротив четырех душевых с тонкими занавесками персикового цвета, недостаточно, по мнению Кади, широкими. Она наугад облюбовала вторую душевую кабинку с конца – некое постоянство утешало. Обнаружив, что сегодня в ее распоряжении все помещение, Кади немного расслабилась. Ей не нравилось светить голым телом перед незнакомками, и яркие люминесцентные лампы ничуть не облегчали задачу. Как будто раздеваешься в лаборатории.

Кади повесила полотенце на крючок, закатала рукав халата и потянулась в кабинку, чтобы повернуть кран. Душевая лейка плюнула водой с металлическим стоном, который отдался у Кади в зубах, но вскоре струйки потекли уже нормально и постепенно прогрелись. Они стянула с волос мягкую резинку, выбралась из халата и шмыгнула за шторку.

Горячая вода полилась на голову и плечи, размывая скопившееся в них напряжение. Кади запрокинула подбородок, подставляя шею, лицо. Она только начала вспенивать шампунь на волосах и зажмурилась, как едва не подскочила от громкого удара в тарелки.

Кади испуганно выругалась под нос. До мозга не сразу дошло, что где-то грянула музыка.

Металлический звон трубы и пронзительный вой остальных духовых с сурдиной казались еще резче, отражаясь от кафельных стен, но Кади узнала старую мелодию «Happy Days Are Here Again»⁵.

Это какой-то прикол? Кто на всю катушку врубил в женской уборной джаз времен Великой депрессии?

– Кто здесь? – перекричала Кади музыку. – Ранджу, Андреа? Это вы?

Ноль реакции.

– Эй, кто там, можно потише?! – Ее голос отразился от плитки эхом.

Музыка продолжала грохотать. Кади заворчала, смыла со лба пену, выключила воду и высунула голову из-за шторки.

Но снаружи никого не оказалось.

– Эй?

Единственным ответом была бодрая мелодия, которую выводили кларнеты под отчетливую линию баса, пугающе неуместные в пустой уборной. Страх прокатился по позвоночнику, словно капля холодной воды.

Кади проверила каждую кабинку в поисках блютуз-колонки, телефона, любого другого источника звука, но ничего не обнаружила. Вся мокрая, в одном полотенце, Кади распахнула

⁵ «Счастливые дни вновь настали». (англ.)

дверь в коридор, где продолжала слышать музыку. Мимо как раз проходил парень, настукивая в телефоне сообщение.

– Слушай, ты не знаешь, кто врубил музыку? – спросила у него Кади.

Парень поднял взгляд – сперва удивленный, потом сбитый с толку; видимо, как подумала Кади, совсем не ожидал встретить на пути полуголую девчонку.

– Прости, что? – Он снял беспроводные наушники.

– А, ты в наушниках, – Кади с облегчением выдохнула. – Музыка играет, теперь слышишь? Как будто кто-то ретростанцию включил. У меня уже голова кругом, откуда играет?

Парень нахмурился, глядя на нее с непониманием:

– Какая музыка?

– Шутишь? Она меня до смерти напугала в душе, и я ее даже тут еще слышу. Кто-то на всю катушку врубил.

Парень помедлил, склонив голову набок, потом пожал плечами:

– Прости, ничего не слышу. – Он воткнул наушники обратно и поспешил обойти Кади и растущую лужу у ее ног стороной.

К этому времени в песне уже вступил вокал – квартет мужчин, поющих знакомые слова в четыре голоса. Кади как следует огляделась, но ни в коридоре, ни на лестничной клетке никто не обращал на звуки ни малейшего внимания.

Никто как будто вообще не слышал ничего необычного.

Кади захлопнула дверь в уборную и заперлась изнутри. Бодрая музыка лишь заиграла еще громче, невзирая на ее панику. Сердце колотилось в груди, Кади не могла вдохнуть, мысли скатились в полный хаос, но стало ясно одно: музыку больше никто не слышал. Она играла у Кади в голове.

Осознание сгустилось где-то в желудке и ринулось вверх. Кади ринулась в ближайшую душевую, где согнулась пополам в пустом рвотном позыве, чувствуя, что каждая мышца тела напрягается, жажда хоть какого-то облегчения. Оно не пришло.

Кади включила воду, оседая под струями прямо в полотенце. Они смывают слезы, приглушают всхлипывания. Но не способны ничего поделать с музыкой, ее дразнящей.

Так давайте снова споем радостную песню...

Кади знала, что может быть предрасположена к психическому заболеванию, что эта жуткое свойство у нее в крови. И все же приехала сюда, рискнула, бросила болезни вызов, мол, покажись. И та показалась.

И у Кади возник новый вопрос...

Счастливые, счастливые дни вновь настали!

...выживет ли она?

Глава 11

Обнаружив Кади в их общей спальне позже вечером, Ранджу не заподозрила, что Кади просидела на постели, завернутая в полотенце, парализованная паникой, уже почти два часа. Ранджу решила, что Кади просто ленится, и настояла, чтобы она собиралась на вечеринку в Феникс. Даже дошла до того, чтобы лично подобрать для нее наряд – темные джинсы, черные полусапожки и, когда отвергла большую часть гардероба Кади как слишком «простецкую», свой топ с открытыми плечами, которому Кади, надо признать, завидовала.

– А теперь я пойду поймаю Дев, которая нас проведет, так что встретимся на месте. И, пожалуйста, подкрась глаза. Ты знаешь, я люблю эту твою приверженность пуританской красоте, но мы идем на вечеринку, а не на фермерские посиделки.

Кади отдала честь. Она еще никогда не была так благодарна за указания что делать.

Оставшись в одиночестве, Кади уставилась в зеркало, она искала в отражении признаки надлома, который чувствовала. Но выглядела хорошо, выглядела нормально, сказала Кади себе, с ней все в порядке. Песни постоянно застревают в голове, подумаешь. Но на такой громкости? Да еще и ретромелодия. Когда она ее в последний раз слышала? Явно не недавно, а может, вообще никогда. Как никогда не читала «Ад», или не слышала тот голос, или... стоп. Не рассуждать. Так сделаешь только хуже.

Кади шагнула к зеркалу как можно ближе и провела неровную линию по верхнему веку. Она помнила, как впервые попытала счастья с подводкой в девятом классе, и Эрик, увидев ее за завтраком, тут же процитировал Чарли Шина из «Выходного дня Ферриса Бьюллера»: «На тебе слишком много макияжа. На моей сестре слишком много макияжа. Народ считает ее шлюхой». Эрику это показалось уморительным, а Кади в результате стала краситься крайне редко. Восприняла слишком близко к сердцу, как ей казалось теперь; Эрик всегда слишком легко на нее влиял. «Я не такая, как он, совсем не такая», – выдала она себе маленькую ободряющую речь и нанесла два слоя туши, вздрогнув и испачкав щеку лишь раз.

Кади отвела волосы в сторону, чтобы вдеть сережку в правое ухо, открывая все еще короткую прядь за ним и розоватую полоску шрама на шее. В голове зазвучал собственный перепуганный голос: «Эрик, что ты делаешь? Перестань, это я, Эрик, это я». Кади накрыла шрам рукой и зажмурилась, блокируя воспоминание, хотя пульс бился в пальцы, словно коло-тила в дверь та самая ночь.

Кади швырнула серьги-кольца обратно на стол. Ей все равно не нужна бижутерия.

– Кади, скажи, как будешь готова! – позвала из общей комнаты Андреа.

Где-то посреди модного приговора, который устроила для Кади Ранджу, Андреа пронюхала про их планы на вечер, и Ранджу неохотно пригласила и ее.

Открыв дверь спальни, Кади увидела, что Андреа выглядит как маленькая девочка, которая добралась до маминой косметички. Она покрыла лицо слишком светлой пудрой, отчего стала бледная как привидение; на веках красовались блестящие лиловые тени, на губах – странно темная помада. Концы прямых волос были подкручены вовнутрь. В качестве наряда Андреа выбрала черные слаксы с балетками, фиолетовую блузку с глубоким декольте и лентой-чокером, а также аметистовые сережки.

– Выглядишь миленько! – произнесла Кади, пискнув чуть выше нужного.

Андреа сощурилась:

– Что не так?

– Ничего! Но, может, чокер оставишь на следующий раз? Вырез же такой красивый сам по себе.

– Но он подходит к блузке. И к сережкам, видишь?

– А, клево. – Кади сжала губы, чтобы не ляпнуть лишнего.

Андреа улыбнулась:
– Пойду за курткой.

Пока они шагали по Маунт-Оберн-стрит, Кади приходилось идти на цыпочках, чтобы тонкие каблукки не застревали в брусчатом тротуаре, и Андреа тут же воспользовалась возможностью разъяснить, насколько шпильки вредны для ортопедического здоровья:

– Поверь, тебе совсем не захочется исправлять деформацию пальца, когда еще сорок даже не стукнуло. Ладно, а ты знаешь, которое из этих зданий «Феникс»?

– Нет, но найдем.

«Фениксом» назывался закрытый клуб для старшекурсников-парней, один из двенадцати подобных в кампусе. Они различались по престижу, но в основном все были шикарными заведениями, которые укомплектовывали и поддерживали выпускники университета и где их члены могли проводить время днем и проводить вечеринки ночью. Большинство клубов располагалось вдоль Маунт-Оберн-стрит, но указателей на них не было. Кади пыталась писать и звонить Ранджу, но та не отвечала. Они с Андреа прошли мимо двух решетчатых окон, из-за которых, несмотря на задернутые занавески, доносился слабый музыкальный бит. Единственной вывеской оказалось название магазина подержанных пластинок «Прямо в ухо», а рядом с ним обнаружилась огромная дверь, кроваво-красная и увенчанная витиеватой резьбой, – вряд ли рынок винила настолько хорош, подумала Кади. Она поднялась на крыльцо, не сводя глаз с маленького дверного молотка, расположенного высоко на лакированной поверхности. Чутье не подвело – он был в форме золотистого феникса.

– По идее, здесь.

Андреа, поколебавшись, осталась на тротуаре.

– А что нужно сделать, чтобы войти?

– Думаю, постучать, – произнесла Кади беззаботно, хоть и разделяла опасения спутницы.

И тем не менее после пережитого дня она знала только одно: ей надо выпить. Кади постучала в дверь, подождала. Ничего не произошло. Она постучала еще раз, уже громче. Кади слышала, что девушкам проще попасть в закрытый клуб, если распахнуть на входе кофту, но в такие игры она вступать не собиралась. Это унижительно – и, хуже того, на улице холодно.

Спустя несколько мгновений дверь наполовину открылась, и в ней показался, преграждая проход телом, молодой человек. На нем были солнцезащитные очки «Фейфарер» и белая рубашка с пятнами какой-то жидкости.

– Вы в списке?

– Э-э... я не уверена...

– Кого внутри знаете? – перебил парень.

– Ранджу, наша соседка...

– Девчонки не в счет. Пригласить должен член клуба. Такие правила.

– Ладно, прости, забей, – вмешалась Андреа, готовая признать поражение.

Кади не запомнила имя, которое упоминала Ранджу, но у нее был запасной план.

– Меня пригласил Никос Николаидес. Передай, что пришла Кади Арчер.

Вейфарер вытащил телефон и захлопнул дверь у нее перед носом.

Кади расстроилась, но не отступила. Андреа перекатилась с пятки на носок.

– Да брось, давай уже уйдем.

И тут дверь вдруг широко распахнулась, явив на этот раз высокого парня-блондина, сияющего улыбкой:

– Прошу прощения, дамы, я услышал, что Роб опять ведет себя как придурок. Заходите. Для рыжули всегда найдется место.

Кади ненавидела такие фразочки, но прикинула, что главное – добиться своего. «Это нормально, чувствуешь себя нормально, будь нормальной», – скомандовала она себе. И они с Андреа вошли.

Они проследовали за парнями вверх по устланным красной дорожкой ступенькам к тускло освещенной площадке, к которой сводились две боковые лестницы и откуда начиналась центральная, ведущая на второй этаж, где и проходила настоящая вечеринка. За количеством набившихся туда тел, в основном девичьих, оказалось сложно рассмотреть убранство, однако помещение выглядело большим. Смирившись с допуском Кади и Андреа с той же апатией, с которой он встретил их у дверей, Вейфарер предложил забрать их верхнюю одежду и затем испарился. В огромном зеркале в золотой раме, висящем над камином, покачивались, словно яблоки в воде, головы людей на лестнице. Свое отражение, с широко распахнутыми глазами, показалось Кади чужим. Слишком много макияжа.

– Так вот... – Блондин опустил на голое плечо Кади ладонь и наклонился, чтобы она слышала его за грохотом музыки: – Что могу предложить из выпивки?

– Водка с клюквой?

Именно ее Лиз протасила на школьный выпускной в бутылке из-под спортивного напитка, и это был единственный крепкий напиток, который Кади пробовала.

– Не вопрос. – Блондин посмотрел на Андреа, та в отчаянии бросила взгляд на Кади.

– Ей то же самое.

– Две водки с клюквой. Я мигом.

Кади проследила, как он боком пробирался сквозь толпу. Парни давали ему пять, пара девиц чмокнула его в щеку, но шел он довольно быстро. «Мне за выпивкой», – подумала Кади, в глубине души улыбаясь. Может, стоит простить ему фразу про рыжуху?

Андреа хлопнула ее по плечу:

– Давай найдем Ранджу.

Зал на втором этаже содрогался от басов хип-хоп бита и массы трущихся друг о друга тел, окна запотели от их жара. Огромный антикварный стол на львиных лапах трясся под весом пляшущей на нем группы из четырех девиц. Кади провела Аманду через толпу на более тихую половину зала, где несколько пар сидели в обнимку на здоровенном диване перед камином, а в единственное кресло втиснулась аж троица. Они прошли мимо стайки девчонок, приветствующих друг друга радостным визгом, и Андреа чуть не врезала пьяненькая блондинка, вскинувшая тощие руки, чтобы повиснуть на шее у парня то ли в приступе любви, то ли по пьяни.

Кто-то позвал Кади по имени. Она обернулась как раз в объятия Ранджу.

– Эй, подруга! Ты пришла! – Ранджу слегка облила плечо Кади из стаканчика.

По ее громкости и пошатыванию Кади прикинула, что стаканчик уже не первый, а до него явно была разминка. Ранджу окинула их соседку расфокусированным взглядом.

– И Андреа, кру-у-уть, – добавила она. – Ты с нами никогда не ходишь.

– Вы меня никогда не приглашаете, – жестко отозвалась та.

Но Ранджу успела отвернуться поздороваться с проходящим мимо парнем, и Кади испытала облегчение, что она упустила едкое замечание. Оно продлилось ровно до того момента, как Ранджу вернулась к ним – ее улыбка стала холодной, а взгляд – острым.

– Милый чокер.

Андреа скрестила руки на груди, но промолчала.

– Вам, ребят, надо выпить! Стойте тут.

Ранджу отошла, и Кади даже не успела ее задержать. Андреа начала поспешно расстегивать украшение. Зрелище разбило Кади сердце.

– Да не слушай ее, он хорошо смотрится.

Андреа покачала головой, поджав губы, и уронила чокер в сумочку.

– Она такая стерва. Не знаю, почему ты так хочешь ей нравиться.

Кади скорчила гримасу: все-то Андреа подмечала.

– Я уверена, она ничего такого не имела в виду. Просто пьяная.

Андреа глубоко вздохнула:

– Я домой.

– Что? Нет, останься! Мы же только пришли! – Кади искренне хотелось ее общества.

– Ты оставайся. Мне нужно учиться, я ненавижу вкус алкоголя, и давай посмотрим правде в глаза: все это просто не мое. Увидимся в комнате.

Андреа обняла Кади на прощание и пошла сквозь толпу к лестнице.

В спину потыкался локоть. Обернувшись, Кади увидела блондина с двумя красными пластиковыми стаканчиками в руках и третьим в зубах. Кади забрала один, чтобы блондин смог разговаривать.

– Две водки с клюквой. А где подруга?

– Ей пришлось уйти.

Блондин усмехнулся:

– Черт!

Кади улыбнулась в ответ, хотя все же испытывала некоторую вину. Она отпила, морщась от резкого вкуса водки – напиток вышел крепким.

– Ну как?

– Идеально, – Кади сощурилась от жжения. – Ты не назвал свое имя.

– Виноват. Я Тедди.

– Каденс, но все зовут меня Кади.

– Первокурсница?

Она кивнула.

– Впервые в закрытом клубе.

– О, хорошо! Мудрый выбор. «Феникс» – лучший. Мы закатываем крупнейшие вечеринки, но не такие, как у этих кокаинщиков из Шпее... если, конечно, ты не по той же теме, тогда я тебе кого-нибудь найду. – Он, должно быть, увидел, как Кади глаза на лоб полезли. – Шучу. Я не по этой дряни, честное слово. Моя единственная слабость – юбки.

– Юбки? – рассмеялась Кади.

– Женщины, – пояснил Тедди. – Прости, у меня период нуара. Особенно люблю Рэймонда Чандлера.

– Серьезно? Я тоже! – На жанр ее подсадил Эрик; он перечитал всего Хэммета и Чандлера в доме, а обрабатывать Кади начал, соответственно, с романа последнего под названием «Сестричка», когда ей было одиннадцать. – Но не думаю, что ты достаточно лихой для того же жаргона.

Тедди рассмеялся и обхватил ее рукой:

– А у нас тут шутница!

Кади прислонилась к нему и снова отпила из стаканчика. Жжение водки постепенно становилось мягче.

Тедди не оставлял ее где-то час. Он предложил переместиться в комнату поменьше, где бар, чтобы хоть как-то слышать друг друга. Разговаривали в основном о пустяках, обменялись деталями о себе – родной город, общежитие, специализация. Кади немного заскучала, но внимание ей малость польстило. Да и возможность отвлечься радовала; немного распития алкоголя в еще недозволенном возрасте, немного болтовни с парнем на вечеринке, было приятно в кои-то веки почувствовать себя беззаботной студенткой.

Затем сквозь гул опьянения прорвались слова Тедди:

– Мой старший брат сейчас в Уортоне. Он был выпускником Гарварда семнадцатого...

– Твой брат тоже здесь учился? – Слова вырвались прежде, чем Кади успела опомниться.

– Ага, это странно или что?

– Нет. – Кади помедлила; она не могла назвать это общей чертой – теперь. – Твоя семья впечатляет.

– Говорят, что большинство студентов Гарварда – либо первенцы, либо единственные дети в семье. А мне вот нравится считать, что я, весь такой выдающийся, ломаю им статистику. У тебя есть братья-сестры?

Кади покачала головой.

– Вот видишь? Ты единственный ребенок! Теория верна.

Кади с трудом сглотнула ком в горле. Она не знала, сколько уже выпила, Тедди исправно поставлял алкоголь, но ей казалось, что она все хуже скрывает эмоции. От разговора о семьях нужно было передохнуть.

– Обожаю эту песню. Хочешь потанцевать?

– Само собой.

Когда Кади встала, у нее на миг закружилась голова, однако Тедди вел ее за руку; Кади сосредоточилась на его широкой спине и голубых линиях на белой рубашке. На танцполе было и так полно народу, но Тедди повел ее в самую середину. Танцевать с ним было весело, хотя ему не всегда удавалось попадать в ритм; несмотря на хип-хоп бит, он кружил Кади, словно на балу, и смешил ее. Она все еще не очень уверенно держалась на ногах, но ее крепко держала за талию его сильная рука.

Музыка грохотала, голова Кади и без того пульсировала в такт, как вдруг какая-то девчонка завизжала ей практически на ухо. Однако Тедди не давал остановиться, он удерживал ее за бедра, и его дурашливые танцы уступили место более интимным телодвижениям, на которые Кади не подписывалась. Она время от времени высвобождалась из его хватки, чтобы наемкнуть. Когда она в последний раз попыталась несколько разорвать дистанцию, Тедди дернул ее обратно и скользнул руками вверх по животу и ребрам, задевая грудь.

– *Осторожней.*

Кади отскочила в сторону, то ли от предупреждения, то ли от его касания, она не знала наверняка, но она совершенно точно услышала женский голос. Кади огляделась, пытаясь понять, кто это, не задела ли она кого-то, однако все вокруг, казалось, были сосредоточены на музыке или партнерах. Но на ином уровне она уже понимала – голос не принадлежал никому. Он звучал в ее голове, незнакомый – и угрожающий.

Тедди развернул ее обратно.

– Ты в порядке? – спросил он, положив ладони ей на плечи.

– *Послушайте меня.*

Кади вымучила улыбку и кивок, но ее продрал отрезвляющий озноб. Эти голоса, слуховые галлюцинации, не заглушить алкоголем, от них не спрятаться в толпе. Они – нечто внутри нее, и они размножились: сперва мужчина, потом музыка, теперь женщина. Кади была в ужасе, но не могла ему поддаться. Она заставила себя сосредоточиться на Тедди; он реален, он не даст ей потерять связь с реальностью и уберезет от ее собственного разума.

Поцелуй застал Кади врасплох. Он был мокрым и крепким, к ее зубам прижались зубы, а в рот вторгся язык, прежде чем Тедди малость ослабил хватку и закончил нежнее, чем начал, несколько раз поцеловав ее нижнюю губу, словно все очень даже романтично. Кади содрогнулась; Тедди не сводил потяжелевшего взгляда с ее рта.

– А у тебя хорошо получается, – произнес он.

Кади ощутила укол вины, что чувство не взаимно, и развернулась к Тедди спиной, чтобы избежать новых слюнявых поцелуев.

– *Он не остановится, когда попросишь. Такие юноши считают, что все принадлежит им, только возьми.*

Не слушай,скомандовала себе Кади. Просто неловкая ситуация, он всего лишь неверно ее истолковал. Будь милой. Будь нормальной.

– *Выбирайтесь отсюда.*

И все же Кади содрогнулась, когда пальцы Тедди сдвинули ее волосы, а потом она ощутила, как он прижался к ее шее губами. Второй рукой он скользнул вверх по ее талии, на этот раз под блузкой.

– *Пока не поздно.*

Кади высвободилась из его рук.

– Что такое? – простодушно спросил Тедди.

– Устала.

Кади хотелось домой – на случай, если голоса вдруг усилятся. Перспектива остаться с ними наедине пугала, но переживать приступ на людях она не желала.

– Конечно, пойдём.

«А он не так уж плох», – обнадежила себя Кади, пока они пробирались сквозь толпу. Люди на танцполе часто расслабляются, а они общались весь вечер, вот Тедди неправильно все и понял. Кади надеялась, что не заденет его чувства, когда его продинамит.

– Хочешь еще выпить?

– Нет, спасибо, надо уже домой.

– Еще по одной, на дорожку?

– Серьезно, я еще одну не осилю. Иначе до дома тебе придется меня нести.

Тедди обхватил ее за талию и скользнул ладонями по ягодицам.

– Ты не кажешься тяжелой.

Он наклонился совсем близко; от него несло алкоголем, взгляд осоловел.

Кади не хотелось ставить его в неловкое положение, но голос ее встревожил. *Пока не поздно.* Когда губы Тедди оказались в дюйме от ее рта, она прошептала:

– Где моя куртка?

Она хотела произнести вопрос кокетливо, легкомысленно, однако явно промахнулась; пыл Тедди вдруг превратился в лед.

– Роб отнес ее наверх, я покажу.

Тедди повел Кади за руку мимо бара к дверке, за которой скрывалась узкая лестница для прислуги. И как будто водки с клюквой Кади было недостаточно, на лестнице оказалось совершенно темно. Кади осторожно шагнула.

– *Нет. Не идите туда. Поворачивайте назад.*

Здесь голос звучал даже громче.

Но Тедди потянул ее за руку, и Кади подчинилась. Она не могла доверять странному голосу из головы. И все же темень стояла жуткая. Кади вытянула руку, пытаясь нащупать перила, но лишь вела рукой по стене. Носок соскочил со ступеньки, и Кади упала на колено.

– Держу, – раздался в темноте голос Тедди.

– *Не доверяйте ему. Не ходите с ним.*

У Кади возникло плохое предчувствие, но она не понимала, откуда оно исходило – от голоса или Тедди. Ей хотелось быть милой, клевой, нормальной, какой угодно, но не параноичкой. Ладонь Тедди обхватила ее руку. «Он помогает, – сказала Кади себе, – все в порядке, угомонись».

Обстановка наверху уже больше напоминала особняк – восточные ковры, очаровательные старые лампы, роскошная мебель. Тедди провел Кади по коридору и распахнул дверь в изысканную, пусть и минимально обставленную, спальню.

– Прости, но... я не вижу куртку.

Кади не знала, зачем извиняется. Наверное, из-за неловкости. Но если ситуация всего лишь неловкая, то почему так страшно? Тут уже никакой голос не обвинишь. А ее собственный звучал тише некуда.

– Я хочу забрать куртку, Тедди.

– Замерзла? Иди сюда.

Он завел ее в спальню, обхватил руками и поцеловал, крепко.

Кади отвернула голову, но Тедди не отпустил.

– Мне надо идти, я правда устала...

– И я. Приляг на минутку. – Он сел на кровать и потянул Кади за собой.

Она вымученно рассмеялась и поспешила встать обратно на ноги.

– Прости, мне нужно идти.

Кади повернулась было к двери, но Тедди так и не выпустил ее руку, и когда вес Кади сместился, его хватка стала крепче. Она умоляюще на него оглянулась, однако воспаленные глаза Тедди остались безразличны. И в этот миг последние крохи смущения сдались под напором холодного, непререкаемого страха.

– Я хочу уйти. Прямо сейчас.

Тедди улыбнулся.

– Лады, давай, – произнес он, как будто хотел обнять ее на прощание, как будто не продолжал сжимать ее запястье тисками пальцев.

Тедди провел носом по шее Кади.

– Ты хорошо пахнешь, – пробормотал он. – Готов поспорить, что на вкус ты тоже хороша.

Кади съежилась.

– Да ладно, детка, мы же весь вечер веселимся. – Он прижал ее ладонь к своему паху, давая ощутить эрекцию. – Видишь, что ты натворила?

Она попыталась отдернуть руку, кожу запястья пекло и щипало в его хватке. Надавлив свободной ладонью ей на плечо, Терри вжал Кади в дверь и навалился. Кади понимала, что попала в беду, но туман шока, страха и водки держал ее в оцепенении. Тедди снова припал к ее рту, кусая нижнюю губу. Даже боли не удалось вернуть сознание в тело, пока вновь не раздалось:

– *Боишься? Хорошо. Используйте страх. Он придает сил.*

Голос женщины как будто занял место ее собственного. Кади не могла говорить. Даже дышала едва – так крепко целовал Тедди. Однако голос постепенно затаскивал ее обратно в тело, и Кади начала все сильнее впиваться ногтями в предплечье Тедди. Тот не реагировал.

– *Борись, девочка. Борись за себя, чтобы освободиться.* – Голос становился громче.

Тедди попытался притянуть ее ладонь обратно к своему паху, но Кади сжала кулак и врезала от бедра. Тедди вздрогнул.

– *ШЕВЕЛИСЬ!* – раздалось так громко, что Кади испугалась.

Она вырвалась на волю и нырнула в сторону за долю секунды до того, как дверь в спальню рывком распахнулась, врезавшись в Тедди и чуть не сбив его с ног.

– Что за черт? – схватился он за плечо.

Кади остолбенела, увидев на пороге Никоса, который глядел на нее такими же, как, должно быть, и у нее, большими глазами:

– Кади! Ты в порядке? Тед, что происходит?

– Расслабься, мы тусуем, веселимся. Правда, Кади?

Ее вдруг охватил стыд; она не могла смотреть Никосу в глаза, но знала, что другой возможности сбежать уже не будет. Ее голос был тих, но тверд:

– Я хочу домой.

– Пойдем. – Никос положил руку ей на плечо, успокаивая, и, когда они прошли мимо Тедди у дверей, он пробормотал: – Ублюдок.

– Прости, чел. Не знал, что ты ей тоже вдуваешь.

Никос развернулся и врезал ему прямым в челюсть.

Тедди отшатнулся, схватившись за подбородок. Потом сплюнул на пол и выругался, но не осмелился глянуть на Кади.

– Что за херня, чувак?!

Никос выволок Кади из комнаты, не обращая внимания на крики Тедди им вслед, провёл по коридору и вниз по другой лестнице. Кади была совершенно сбита с толку. Весь вечер казался ей кошмарным сном.

Когда они добрались до первого этажа, Никос увлек ее в маленькую, относительно тихую гостиную.

– Посиди немного. Ты дрожишь. Расскажи, что случилось.

Ее голос звучал едва ли громче шепота:

– Он сказал, что мы идем за моей курткой. Чувствую себя такой глупой.

– Невинность – это не глупость.

Кади покачала головой:

– Меня предупреждали, голос говорил мне, а я не слушала...

– Голос... внутри тебя? – Никос с тревогой окинул ее лицо взглядом.

Его искреннее беспокойство отрезвило Кади.

– Да, – заставила она себя сказать.

– Не удивлен. К несчастью, с Тедди твое чутье попало в точку. В «Фениксе» он местный ушлепок. Клянусь, мы не все такие. И не вини себя. Ты не знала.

Кади кивнула. Может, это и правда был всего лишь глас интуиции.

– Ты прав. Я просто... – Но почему он ни капли не был похож на нее? – Я сейчас не могу собраться с мыслями. Чувствую, как с ума схожу.

– Не волнуйся, теперь ты в безопасности, можешь больше ничего не говорить. – Никос погладил Кади по спине. – Просто рад, что оказался рядом.

– Как? Как ты узнал, где я?

– Роб сказал, что ты меня спрашивала, а когда он добавил, что с тобой Тедди, я сразу понял, что ты в беде. Мы все знаем его схему. – Никос, должно быть, ощутил, как она напряглась на слове «схема». – Господи, звучит отвратительно. Надо бы его выгнать.

– Из универа?

– Я имел в виду из «Феникса», но, черт, да, и оттуда бы тоже.

Кади повесила голову.

– Мне так стыдно.

– Почему? Ты не сделала ничего плохого.

Однако это была неправда. Это была неправда с прошлого Рождества. Потеряв Эрика, она открывала в себе стороны, которые ненавидела. Кади неверно оценивала людей, многое принимала как должное, лгала. И сегодняшний вечер только это доказал. Она ошиблась в Тедди. Она выпила слишком много. Она не остановила его раньше или не была достаточно убедительна – правда, воспоминания о пальцах Тедди, выкручивавших кожу ее запястья, намекали, что убедительность бы ей не помогла. Кади винила себя за то, что обременяет Никоса и что ему лжет. Она стыдилась, что слышит то, чего нет, или не понимает, что реально, а что нет, или верит, что нечто реально, а оно не имеет никакого смысла.

Но она не могла ничего такого произнести вслух.

– Я хочу сказать... спасибо. Я перед тобой в долгу.

– Это я в долгу перед твоим братом.

У Кади остановилось сердце.

– Давай-ка я провожу тебя домой.

Глава 12

Почти пятьдесят голосов устремлялись ввысь и кружились, сливаясь и сплетаясь в гармонии. Песня, над которой работал Коллегиум, «Abendlied»⁶ Райнбергера, утешала беспокойный дух Кади, словно колыбельная, изгоняя кошмарные голоса прошлой ночи – ложь Тедди, его похоть и те странные предупреждения, которым она не вняла. Кади проигрывала в голове каждое слово и действие, безуспешно пытаясь заснуть, отслеживая свои ошибки. Но сейчас размер четыре четверти удерживал ее в настоящем мгновении, она сосредоточилась лишь на нотном листе и слиянии звука, когда хор брал новую ноту.

Коллегиум состоял в основном из студентов последнего курса и горстки магистрантов, но был самым серьезным и профессиональным хором, который Кади доводилось слышать. Она до сих пор не могла поверить, что ее приняли; она стала одной из всего пяти первокурсников, набранных в этом году, и многие в хоре выбрали музыку основной специальностью. Так что Кади решила, что стерпит необычайно ранний подъем ради репетиции в Пейн-холле. Доктор Сатклифф, дирижер, которому пришлось отменить одну из трех еженедельных репетиций, назначил дополнительную на утро пятницы, с семи до девяти. У Кади сложилось впечатление, что раньше доктор Сатклифф никогда их не отменял. Прошел уже час, а они пропели только полстранички – что было типично для перфекциониста Сатклиффа.

– Вы слышите? – крикнул он поверх пения. – Слышите обертоны? Нет, нет, продолжать!

Однако его вмешательство разбило чары общей сосредоточенности, и гармония рассыпалась на сомнительные мелодии и элементарные терции.

– Тьфу! – Доктор Сатклифф шлепнул себя ладонью по лбу. – Я не хотел, чтобы вы прекратили петь! – Он характерным жестом потер костяшками кустистые белые усы. – Я намеревался не выискивать «блех», что, как вы знаете, мое излюбленное времяпровождение, но побудить вас услышать обертоны. А для этого во время пения необходимо еще и слушать. Подстраивайтесь к соседям, поэтому я разместил вас квартетами. Остальные голоса – ваши направляющие. – Дирижер опустил взгляд на ноты и снова потер усы. – Вы понимаете, что я имею в виду под обертонами?

Из толпы донеслось неуверенное бормотание.

– Каждая нота дает основной звук, который мы знаем и можем назвать, и более тихий, вторичный, известный как обертон или гармоника. Когда вы все вместе чисто пропеваете ноты, колебание каждой рождает призрачное созвучие, сотканное из обертонов. Высвобождение обертонов из наших тел ввысь поднимет музыкальный опыт от физического к божественному.

Несколько студентов хихикнули.

– Чувствую ваш скепсис. Быть может, нам нужен наглядный пример. Питер, Джамал, Элизабет и Анни, не могли бы вы исполнить фрагмент от пятой цифры и до конца страницы?

Этой части репетиций Кади боялась больше всего: когда доктор Сатклифф наобум вызывал по исполнителю каждой вокальной партии, чтобы они спели отдельно. Пугающее ожидание, когда же настанет ее очередь, каждый раз заставляло сердце биться чаще. Но на этот раз дирижер выбрал четверку самых уверенных и опытных певцов; все четверокурсники, Питер – начинающий оперный тенор, Анни иногда дирижировала Коллегиумом как ассистент. Они встали с мест и с нотами в руках встали лицом к хору.

Первым вступил Питер, но как только к нему присоединились остальные три голоса, все четверо слились в один. Они повышались и понижались, нарастали и опадали вместе, облекая угловатые немецкие слова мягкими акустическими элементами. Когда они достигли послед-

⁶ Вечерняя песня (нем.).

него созвучия, доктор Сатклифф сделал знак его удержать. Кади закрыла глаза. Может, это все воображение, но ей казалось, будто она различает поверх них пятый тон, словно кто-то провел пальцем по краю хрустального бокала, хрупкий и неземной – обертон.

Когда они закончили, остальной хор разразился аплодисментами, переговариваясь друг с другом. Доктор Сатклифф быстро их уgomонил.

– На этот раз слышали?

Хор согласно забормотал. Кади сделала карандашную пометку над триолью, которую все время пропускала.

– Некоторые? Больше половины? Ладно, будем дальше упражняться и учиться. Все, что я прошу, – это помнить о необходимости слушать остальные голоса.

Кади оторвала взгляд от своего листа.

– Теперь давайте начнем сверху.

Когда доктор Сатклифф отпустил их через час, Кади совсем не хотелось уходить. Во время репетиции ей было легче, чем на протяжении всех выходных. Она уже надевала куртку, как вдруг к ней с улыбкой подошла Ннека, симпатичная нигерийка, второе сопрано.

– Привет, ты же Кати, верно? – спросила Ннека, как и почти все ошибаясь с именем.

– Вообще Кади, но отзываюсь на оба.

– А, Ка-ДИ, поняла. Если кто-то может уделить лишнюю секунду и произнести твое имя правильно, это я, Ннека через два «эн», – она изобразила пальцами кавычки. – Никто с первого раза не запоминает.

Кади рассмеялась.

– Если у тебя нет пар, может, хочешь присоединиться? Мы небольшой компанией собираемся перекусить в нашем любимом местечке напротив Уодсворт-Хауса.

– Конечно, с удовольствием.

Ннека понравилась Кади еще с первой встречи. Было бы полезно завести друзей вне их натянутого соседского треугольника.

– Отлично! Пойду прихвачу еще кое-кого на выходе, но ты нас найди, двинем на площадь вместе.

Ннека повела Кади и небольшую компанию из пяти членов Коллегиума в ресторан, где они заняли длинный высокий стол в передней части зала. Они решили заказывать у стойки по очереди, чтобы не упустить место; Кади не знала, чего ей хотелось, поэтому пропустила вперед остальных. Она села спиной к большому окну, чтобы погреть ее в лучах солнца. Чуть ниже затылка вдруг закололо – то ли сквозняк от двери, то ли ощущение, что за ней следят. Кади оторвалась от меню и наткнулась на полный боли взгляд Рейчел, старшей сопрано, которая сидела напротив.

– Просто хотела сказать, что в прошлом году жила в соседней комнате с твоим братом. Мне очень жаль. Он был моим товарищем по прачечной, мы играли в шахматы, пока ждали стирку. Он был милым.

– О, спасибо. Приятно слышать, – ответила Кади, но Рейчел все еще выглядела встревоженной, так что она добавила: – Что он действительно стирал свои вещи, разумеется.

Кади наловчилась отвлекать людей от гнетущего сочувствия к ней.

Рейчел вежливо рассмеялась.

– Эрик определенно был не без причуд. Но моя специализация – психология, надеюсь стать клиническим психиатром, поэтому знакома с тем, через что он проходил. Я видела признаки. – Рейчел откинулась на спинку стула и взяла меню, довольная разговором.

То, что казалось дежурными соболезнованиями, вдруг стало куда интереснее.

– Например?

– Прости? – В лучах солнца голубые глаза Рейчел казались льдистыми и невинными.

– Ты сказала про признаки, а какие именно признаки ты заметила? – Кади перестала беспокоиться о комфорте Рейчел, она нуждалась в этих сведениях.

– Знаешь, мне не стоило так преувеличивать. Я же, ну, не ставила ему диагноз или типа того.

– Нет, я понимаю, просто мне любопытно, как его болезнь себя вела в прошлом году. Он что-нибудь рассказывал, когда вы играли в шахматы или вообще? Упоминал, что слышал голоса?

Шея Рейчел пошла розовыми пятнами.

– Прости, кажется, скверный выходит разговор. Даже не понимаю, зачем тебе это все объясняю. Он был твоим братом, ты знала его куда лучше, чем я...

Тут-то и вся проблема, подумала Кади. Она не знала его лучше, потому что была дерьмовой сестрой, которая понимала о брате только то, что она, вероятно, разделяла его болезнь.

– Я всего лишь хотела сказать, что он нуждался в друге, вот это я и видела. Я рада, что он был другом мне.

«Потому что я его подвела», – подумала Кади.

– Ваша очередь, девчонки! – провозгласила Ннека, возвращаясь еще с тремя ребятами к столу. – Только есть плохая новость: я забрала последний шоколадный круассан. Можете за него со мной сразиться. – Ннека глянула на их лица: – Вы тут как?

Рейчел как-то их оправдала, а Кади извинилась и пошла в уборную, лишь бы не стоять вместе с Рейчел в очереди. Шагая в заднюю часть ресторана, она почувствовала, как запульсировали виски.

Воспоминания всегда ее преследовали, мучили, но никогда не показывались полностью, только обрывками. Как она лихорадочно хваталась за руки Эрика. *Тебе страшно?* Как слышала его «прости» и понимала, что это должна была сказать она. Мгновения, которые вставляли в горле комом, угрожая удушить ее самоуничижением. Кади машинально прикрыла шрам на шее ладонью и попыталась вытолкнуть их из разума.

– Псст.

Кади вскинула голову, оглядываясь через плечо, но никого не увидела.

– *Прошу прощения, мисс, но я за вами наблюдала.*

Это был женский голос из «Феникса». Кади шагнула в пустой коридор, ведущий к уборным, где ее не видно остальным гостям заведения.

– *Я видела, как вы говорили с той черной девочкой и с более светлокожей вчера. Они ваши рабыни?*

Кади аж побледнела.

«Рабы? – подумала она. – Нет! Нет, конечно, это мои друзья. И Ранджу? Она моя соседка, и она индианка».

– *Я знала одного индейца-некота, когда была маленькой. Хозяин обращался с ним, как с глупым дикарем, однако он был знахарем. Он обучил меня ведать растения и травы, исцелять любой недуг. Если бы не его уроки, младший ребенок Холиока умер бы от оспы. Так что... черную и краснокожую вы зовете друзьями?*

Голос тараторил так быстро, что Кади не успевала за ним на три шага.

– Это вчера была ты. Ты пыталась мне помочь.

– *Да, и прошу самую малость взамен. Прошу, помогите мне, умоляю.*

– Кто ты?

– *Я Билха, служанка Холиоков. Мне нужен друг, мисс, друг, который знает грамоту. Мне нужно, чтобы вы мне прочитали вот это, пожалуйста.*

– Прочитать что?

– *Вот эту бумагу. Займет лишь мгновение...*

– Я не вижу...

– *Прошу, мне нужно возвращаться в Уодсворт-Хаус. Я не могу ее прочитать, но мне нужно знать, выставили ли моего ребенка на продажу, сколько у меня времени. Я задам им жару, прежде чем позволю его забрать.*

– *Продать твоего ребенка? Почему?..*

– *Потому что президенту Гарварда не нужен немой мальчик-слуга, уж тем более мальчик с голубыми глазами, суицид для него оскорблением! Прошу, чтобы спасти сына, мне нужна ваша помощь!*

Кади совершенно сбил с толку поток информации, льющейся на нее из ниоткуда, и необъяснимое ощущение, когда мелькали определенные знакомые детали, вроде Уодсворт-Хауса, административного здания напротив. Кади потрясла головой.

– Но какое отношение это имеет ко мне?

– Хэй.

Беспечное приветствие схлестнулось с полным паники замешательством у Кади внутри, и она, развернувшись, увидела, что его выдала Эйнзли, блондинка-альт, которая тоже вдруг возникла в коридоре около уборных. Кади не сумела выдать ответный «привет», разрываясь между реальностью и тем, чем бы там ни был этот голос. Эйнзли, к счастью, ничего не заметила.

– Эх, очередь? Типично, да? – закатила она глаза и принялась что-то выстукивать в телефоне.

Кади кашлянула, затягивая с ответом, как вдруг вновь вернулся голос Билхи, но с появлением Эйнзли его тон полностью изменился. Ушли отчаяние и смешка, она звучала исключительно почтительно и уравновешенно:

– *Благодарю сердечно. Сейчас принесу ваш чай. Ромашка и шиповник, мисс, мигом поправят эту простуду.*

– А знаешь... э-э... прости, – запнулась Кади, медленно приходя в себя. – Я такая глупая, даже не проверила дверь.

– О, – нахмурилась Эйнзли. – Так что, пойдешь?

– Да, иду, сейчас. Прости.

Она тронула дверь, та легко открылась. Кади беспомощно рассмеялась и скользнула в уборную.

Запершись, она уперлась ладонями в раковину и с жадностью хватанула воздух. «Дело плохо, плохо, плохо», – сказала Кади себе. Эти голоса не собираются уходить, они являются все чаще, и теперь они что-то от нее хотят. Она слетает с катушек. Кади подняла взгляд на свое отражение в зеркале, пытаясь увидеть нормальную, здоровую девочку, которой когда-то была.

Глава 13

Кади уже пять минут кружила по читальному залу Гинзберга в поисках достаточно удаленного от всех места. Она добыла книгу, за которой пришла, и сунула ее поглубже в сумку, а теперь нуждалась в укромном уголке, чтобы ее прочитать. Современное пространство для занятий, оформленное в умиротворяющих бежевых и светло-зеленых тонах, было забито прилежными студентами, но никто не обращал на нее внимания. Их взгляды были прикованы к экранам ноутбуков, в ушах торчали наушники, никого не заботило, что там Кади читала. Да, такой предмет изучения легко выдать за научный интерес вместо личного. Любой студент психологии мог взять книгу о патопсихологических явлениях, сами они-то не сумасшедшие.

В отличие от нее.

Кади решила довольствоваться столом, за которым сидел только один человек. Стол был оснащен двумя лампами в центре, так что ей пришлось сесть напротив своего случайного соседа, темноволосого парня в модных очках, но их с Кади, по крайней мере, разделял экран его ноутбука и стопка книг по экономике. Кади вытащила «Истоки шизофрении» с удручающим подзаголовком «Составляющие безумия». До недавних пор Кади казалось, что она знала о шизофрении все необходимое. Общие черты болезни и ужасы, ее семья все их пережила. Однако Эрик получил диагноз спустя год, а то и больше. Сперва ему говорили, что это депрессия, потом – биполярное расстройство, какое-то время мать считала, что психоз вызывают именно антидепрессанты, но в конце концов все сошлось на шизофрении – все, кроме Эрика, но что он там понимал? Он был всего лишь пациентом.

Кади теперь осознала, что она знала лишь слова, которые говорили другие люди, ярлыки для ее брата, которые обсуждали и оттачивали, но никогда не подтверждали. Кади ничего не знала о его опыте во время болезни, она боялась спрашивать. А теперь больше не может позволить себе роскошь отрицания. Кади быстро бросила искать в Сети – слишком просто скатиться в паранойю и ипохондрию. Она предположила, что книга с ее обнадеживающей тяжестью в руках и сдержанной экспертной оценкой сумеет утешить куда вероятнее. Стоило глянуть на обложку, как сердце тяжело забилося в груди.

Кади перелистнула на вторую главу, которая называлась «Диагностирование шизофрении». И лихорадочно пробежала глазами первый абзац:

Симптоматика шизофрении часто сходна с другими психическими заболеваниями, что порой затрудняет постановку точного диагноза. Однако у шизофрении есть и крайне характерные проявления, такие как вера больного в то, что в его разум внедряются чужие мысли, или слышание голосов (несуществующих), которые комментируют его поведение.

Кади переметнулась на строки ниже, где перечислялись критерии для диагностирования шизофрении:

А. Присутствие характерных психотических симптомов в активной фазе (любой из 1, 2 или 3 на протяжении как минимум недели).

1. Как минимум два пункта из следующего списка:

а. Бредовое состояние.

б. Галлюцинации, которые имеют место на протяжении дня несколько дней подряд или несколько раз в неделю на протяжении нескольких недель, при том что каждое галлюцинаторное переживание длится более нескольких мгновений.

в. Бессвязность или заметное ухудшение ассоциативного мышления.

г. Кататоническое поведение.

д. Уплотнение эмоций или чрезвычайно неадекватный аффект (эмоциональный тонус).

2. Странный бред (то есть включающий в себя феномен, который в культуре больного считается полностью неадекватным, например, открытость мыслей, нахождение под контролем со стороны мертвого человека).

3. Ярко выраженные галлюцинации, при которых больной слышит голос и содержание не связано с сопутствующей депрессией или эйфорией или же голос, комментирующий его поведение или мысли...

Кади остановилась. Она уже сделала слишком много мысленных пометок около подпунктов списка А. Во-первых, у нее случались слуховые галлюцинации, хотя неделю они не продолжились – пока что. Во-вторых, ей не приходило на ум, что говорившие с ней мертвы, однако они и правда не выражались как ее современники, да и та старая музыка... и они ее не контролировали – пока что, – хотя этим утром голос женщины просил ее что-то прочитать... Просьба о помощи считается контролем? В-третьих, голоса никак не были связаны с ее настроением и появлялись без предупреждения, и они действительно комментировали ее поведение и мысли.

«Но что, если они правы? – задумалась Кади. – Песнь пятая в «Аду» Данте, Тедди и опасность... Ты не можешь такое выдумать, если не знаешь наверняка». И какое объяснение тогда остается?

«Сбавь обороты, – сказала она себе, – не спеши с выводами».

Сумасшедшие же не знают, что они таковые, верно? Кади подумала, что раз уж она сомневается, то все не так плохо, а потом прочитала:

В отличие от больных, страдающих иными видами деменции, шизофреники способны оставаться относительно высокоактивными с внешне однозначным и осознанным чувством реальности, а также сохранять интеллектуальные способности. По данным исследований, шизофрения статистически имеет больший шанс проявиться у людей с гениальным коэффициентом интеллектуальности.

«Эрик был гением, – размышляла Кади, – но я-то нет».

Эрик был необыкновенным, не по годам развитым ребенком; Кади никогда так не выделялась. Их родители проверили ай-кью Эрика еще в раннем возрасте, и он набрал необычайно высокий балл. Когда Кади спросила, почему ее не тестировали, мать ответила, что им нет нужды соревноваться, что Кади всегда воспринимала как попытку не задеть ее чувства, когда выяснится, что она, само собой, не оправдывает ожиданий.

Ошибались ли они? Кади с легкостью преуспевала во всех предметах, особенно гуманитарных, и только у нее был абсолютный слух. Она не разделяла склонность Эрика к математике и наукам, однако они никогда не вызывали у нее трудностей. Вступительные Эрик сдал на «отлично», Кади наступала ему на пятки, хотя приписывала свой успех не гениальности, а выучке. Если выдающийся ай-кью привел Эрика к болезни, насколько до нее Кади?

Она перешла к пятой главе, «Исследования вопросов семьи», и принялась просматривать страницы. Кади прочитала, что братья и сестры, а также родители и дети, считаются для больного шизофренией родственниками первой ступени. Звучало уже плохо. Надпись под диаграммой гласила: «Рис. 7 представляет собой общие средние риски развития шизофрении; существует высокая степень корреляции между риском и генетическим родством». Кади окинула внимательным взглядом мини-панораму столбиков разной высоты: тот, что был обозначен «братья/сестры», был одним из самых высоких – девять процентов риска развития шизофрении в течение жизни. Выше только у близнецов и детей двух страдающих шизофренией родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.